

Диалектический материализм
и психофизиологическая проблема.
Критический обзор современных концепций
соотношения физиологического и психического

§ 4. Несостоятельность идеалистических
и дуалистических подходов к проблеме «сознание и мозг»

Среди естествоиспытателей капиталистических стран до сих пор идеалистические и дуалистические взгляды имеют широкое распространение; они приобретают порой утонченную наукообразную форму, но от этого не перестают сковывать научную мысль. Особенно сильны идеалистические и дуалистические тенденции в биологических дисциплинах и психологии. Обусловленные давними и прочными традициями, они нередко находят поддержку у выдающихся естествоиспытателей. Все это, разумеется, имеет определенные социальные и гносеологические причины.

Со времени пробуждения человеческой мысли перед ней предстали три великие качественные градации: неживое тело — организм — и сама она в виде духовной активности человека. Стремление понять мир в его единстве вело к поискам генетических связей между этими разными качествами и тогда обнаруживалось, что естествоиспытатель не в состоянии исключительно с помощью собственных средств объединить столь резкие различия и перейти из одной сферы в другую. Для того, чтобы сделать это, ему требуются общие представления мировоззренческого характера, позволяющие дать абстрактное объяснение. В этом состоит одна из многих причин органической включенности в ткань конкретных наук философских, мировоззренческих представлений. Последние множество раз выдворялись воинствующими эмпириками из парадной двери естествознания, но это означало, что они тотчас же впускались туда с черного хода.

Весь вопрос в том, каков характер этих философских представлений. Создавая картину единого мира, материализм идет от простого к сложному, выводя живое из неживого и из живого — сознающую мысль. Нужно признать, что на пути развития материалистического мировоззрения стояли немалые теоретические трудности, преодолевавшиеся иногда не самым лучшим

образом. Это естественно, ибо материалистическое мировоззрение — не завершенное полотно, выставленное для обозрения в музее; оно непрестанно углубляется и совершенствуется в ходе научного познания, составляя его незыблемую основу.

Идеалистическая картина мира требует, на первый взгляд, для своего создания как будто меньших логических и теоретических усилий. Идеализм идет к объяснению сложного от него самого и приходит к нему же. Иллюзия «экономичности» идеалистического мировоззрения достигается тем, что познающая мысль кладет себя в основу всех своих объектов и таким путем избавляется от них как таковых раз и навсегда, обращаясь отныне только к себе и в себя. То, что должно появиться в конце, есть уже в самом начале. Постулируется одухотворенность *всего* и таким образом легко снимаются все качественные различия, а заодно вводится удобный двигательный стимул, который оказывается, правда, уже ненужным, ибо отпадает необходимость объяснения того, как возникает живое из неживого и как возникает мыслящий разум. Человеческая мысль неистощимо изобретательна; однако продуктом ее изобретательности является не только решение, но и квазирешение проблем.

И все же притягательная сила идеалистического миропонимания, представляющего собой при тщательном рассмотрении искусную тавтологию, еще значительна в западных странах, так как, помимо всего прочего, оно имеет там талантливых реставраторов.

Философский идеализм преломляется и воплощается в биологических дисциплинах и психологии в разнообразных формах. Одна из них заключается в создании специализированных общих концепций типа неовитализма, холизма, дуалистического параллелизма и т. д., оказывающих существенное влияние на теоретическое мышление естествоиспытателей.

Эти общие концепции не представляют собой, как правило, оригинальных теоретических построений, а являются не чем иным, как аппликацией идеалистических принципов к фундаментальным проблемам биологии и психофизиологии; и если они приурочены к одним и тем же проблемам, то различаются не столько по содержанию, сколько по названию.

В качестве примера можно указать на концепции неовитализма Г. Дриша и холизма Дж. Смэтса, имеющих своих продолжателей и почитателей среди современных биологов и психологов. В центре внимания обеих концепций стоит проблема органической целостности. Согласно Г. Дришу (1915), биологическая целостность не может быть понята на основе материальных факторов и естественных причин (заметим, что здесь Дриш спекулирует на слабостях естествознания); она есть, так сказать, воплощенная «энтелехия», которая определяется как вневременной и внепространственный «фактор формирования цело-

го»: активность живой системы есть выражение ее одухотворенности этой формообразующей и целеполагающей силой. Ядром холизма является аналогичный тезис. Именно духовное начало, как полагает Смэтс, составляет суть и основу всякой биологической целостности. Правда, Смэтс более решительно распространяет указанный принцип за пределы собственно биологической целостности. По его мнению, духовное начало проявляется уже в реактивной способности атома и поэтому субъект и объект представляют собой не что иное как «поля в поле духа» (J. Ch. Smuts, 1936, p. 235).

В незначительных вариациях подобные взгляды развиваются в западных странах многими философствующими биологами. Так, Р. С. Лилли говорит о «психическом начале», которое принципиально различно от физических и химических явлений и выступает в роли той же энтелехии, «является основным источником избирательного, обновляющего и интегрирующего свойства организма» (R. S. Lillie, 1946, p. 196). Л. Бунур считает, что «на всех своих уровнях, даже самых примитивных, органическое обладает душой» (L. Boupouge, 1957, p. 77) и что именно эта душа выполняет роль движущей силы эволюции. Аналогичные взгляды развивают Ф. Уолш (F. M. R. Walsh, 1951), И. Шрайбер (I. Schreiber, 1953), Е. Синнот (E. W. Sinnot, 1957) и другие применительно к объяснению собственно психической деятельности, и таким образом витализм в биологии сливается с витализмом в психологии.

Следует отметить, что современный витализм во всех его вариациях определенно тяготеет к философии неотомистского круга. В свою очередь, неотомисты активно спекулируют на фундаментальных проблемах биологии, психологии и физиологии, обосновывая принцип финализма и предоставляя в распоряжение виталистов обширную аргументацию (кстати, именно в этих пунктах, т. е. в философских вопросах биологии, неотомисты часто совершают критические нападки на диалектический материализм). Чтобы составить об этом представление, достаточно привести следующее высказывание одного из видных неотомистов Г. Веттера: «Решающее различие между неживой и живой материей по всей вероятности можно было бы сформулировать в том смысле, что все процессы в неживых объектах обуславливаются прошлым, т. е. причиннодействующими отношениями («каузально»), в то время как процессы, протекающие в организме, кроме того, определяются еще и будущим и, следовательно, еще не существующим («финально»). И эта обусловленность будущим, это идеальное предвосхищение цели, находящейся впереди, и направленность физико-химических процессов, происходящих в настоящем, но подчиненных достижению именно этой цели,— все это представляет собой как раз то, что чисто физико-химические процессы не

способны осуществлять сами по себе и что доступно лишь духовному, над временем стоящему принципу» (G. Wetter, 1958, S. 56). Наряду с Г. Веттером специальным обоснованием витализма занимаются целый ряд других представителей неотомизма (O. Spülbeck, 1957; I. Haas¹, 1961, 1964, и др.).

Однако среди философов неотомистского круга встречаются и такие, которые, сосредоточивая свои интересы преимущественно на проблеме психической деятельности человека, вопреки своим исходным принципам вносят в ее разработку определенный вклад. Это — весьма любопытное явление, свидетельствующее о том, как объективное теоретическое рассмотрение выводов естествознания подрывает исходные идеалистические принципы и делает их совершенно излишними, хотя они и продолжают при этом отстаиваться. Подобные противоречия убедительно демонстрируют несостоятельность неотомистской доктрины и вместе с тем силу традиции, обнажают социальные корни идеализма.

К такого рода философам неотомистского круга, чьи взгляды во многих отношениях носят отчетливо материалистический характер и чьи исследования природы психического содержат позитивные результаты, относятся прежде всего П. Шошар (P. Chauchard, 1960)² и П. Тейяр де Шарден. На взглядах последнего хотелось бы остановиться несколько подробнее.

Будучи крупным специалистом-палеонтологом и обладая выдающейся эрудицией в области биологических наук, Шарден строит свою концепцию в связи с основными достижениями естествознания, обнаруживая в то же время глубокую заинтересованность в прогрессивном развитии человечества, выступая с позиций гуманизма.

В своей книге «Феномен человека» Шарден дает интересный диалектический очерк биологической эволюции, акцентирует внимание на саморазвитии материи, подчеркивая, что геогенез переходит в биогенез, который представляет собой психогенез. Однако при этом он допускает ряд непоследовательностей, сплошь и рядом прибегая к явно идеалистическим принципам, и в конечном итоге приходит «к божественному очагу духа» (П. Тейяр де Шарден, 1965, стр. 266), который якобы заключает в себе высшую и конечную цель развития. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что для понимания рисуемой Шарденом картины развития природы вводимые им идеалисти-

¹ Критическое рассмотрение взглядов немецкого цитолога И. Хааса, особенно активно выступающего в последние годы с неотомистских позиций против диалектического материализма, дано А. Я. Ильиным (1966).

² Подробно воззрения П. Шошара и результаты его исследований в области взаимосвязи психики и мозга изложены В. В. Орловым; им же дана оценка противоречий между философскими принципами П. Шошара и результатами его теоретических исследований (см. В. В. Орлов, 1966б, стр. 140—149).

ческие постулаты и финалистские экскурсы оказываются зачастую излишними.

В философском плане Шарден заимствует ряд идей у Гегеля и Лейбница, стремясь с их помощью преодолеть те трудности, с которыми, по его выражению, сталкивается человеческое мышление, «пытаясь соединить в одной и той же рациональной перспективе дух и материю» (П. Тейяр де Шарден, 1965, стр. 62). Однако Шарден не в состоянии достичь логически стройного их «соединения», так как, приходя к материалистическим выводам, тут же их опровергает, колеблясь между ними, с одной стороны, лейбницевской монадологией и неотомистским абсолютным духом, — с другой. Делая заключение, что «духовное совершенство (или сознательное «средоточие») и материальный синтез (или сложность) — это лишь две взаимосвязанные стороны или части одного и того же явления» (там же, стр. 61), он вместе с тем постулирует следующее: «Мы допустим, что по существу *всякая энергия имеет психическую природу*. Но оговоримся, что в каждом элементе-частице эта фундаментальная энергия делится на две составляющие: *тангенциальную энергию*, которая связывает данный элемент со всеми другими элементами того же порядка (т. е. той же степени сложности и той же «внутренней сосредоточенности») и *радиальную энергию*, которая влечет его в направлении все более сложного и внутренне сосредоточенного состояния» (там же, стр. 65). В ходе дальнейшего изложения выясняется, что именно радиальная энергия составляет собственно психический, духовный фактор, выступающий в роли творческого стимула, который, оказывается (как мы узнаем об этом в конце книги), скрытно побуждался в ходе всего периода эволюции «действием находящегося впереди перводвигателя» (там же, стр. 266). Таким образом, вместо саморазвития материи мы незаметно получаем саморазвитие духа, которое, описывая классически гегелевскую траекторию, идет от себя к себе с тем, чтобы выявить себя в некой конечной инстанции — «Омеге», где и происходит «отделение сознания, в конце концов достигшего совершенства, от своей материальной матрицы, чтобы отныне иметь возможность всей своей силой покоиться в боге-омега» (там же, стр. 282).

Как видим, изложенная логическая конструкция Шардена совершенно не оригинальна, так как повторяет хорошо известные варианты идеалистической мистификации психических явлений. Однако она не выдерживает натиска того естественнонаучного материала, которым оперирует Шарден, и во многом остается голым логическим скелетом, чем-то привнесенным извне. Все это еще раз показывает, насколько чужды идеалистические принципы естествознанию, насколько искусственно их приложение к пониманию развития природы и психики.

Особенно прочными среди нейрофизиологов и психологов капиталистических стран являются дуалистические традиции. Дуалистические взгляды для исследователей мозга и психики оказываются более «удобными», так как создают поле маневрирования от материалистических выводов к идеалистическим. Подлинный естествоиспытатель всегда в своей глубокой сути является стихийным материалистом. И поэтому дуалистические взгляды нередко принимают форму того стыдливого материализма, когда естествоиспытатель в ходе конкретных исследований остается все время на материалистической почве и покидает ее лишь тогда, когда пытается связать полученные им результаты с символами своей веры, с теми «метафизическими» принципами, которые, как ему кажется, навсегда остаются за пределами научного знания. Несколько своеобразное положение у нейрофизиолога, исследующего головной мозг. Он непременно действует как стихийный материалист, изучая движения нервных импульсов, синаптические образования, строя и проверяя гипотезы о функциональных отношениях между различными мозговыми структурами; но вместе с тем он вынужден так или иначе связывать эти процессы с психическими явлениями и вот тут уже он неизбежно сталкивается с «метафизическими» вопросами, на которые у него давно заготовлены ответы, не подлежащие контролю со стороны добываемых им экспериментальных данных.

Послушаем, что говорит по этому поводу выдающийся канадский нейрофизиолог и нейрохирург У. Пенфильд: «Дуалист считает, что в каждом индивидууме имеется что-то прибавочное к телу и к его живой энергии. Он может назвать его духом сознания, который является активным спутником мозговой деятельности и который имеется налицо от рождения до смерти, за исключением, может быть, состояния сна или комы. Он может также верить, что этот дух продолжает свое существование после смерти тела и что он что-то единое с Богом». И дальше: «Эти установки о духе и Боге представляют собой то, во что ученый может верить» (W. Penfield, L. Roberts, 1959, p. 9); ибо они, по мнению Пенфильда, несколько не препятствуют ученому оставаться в своей области на строгой почве фактических данных и их детерминистического объяснения, т. е. по существу на почве естественнонаучного материализма. Одно дело, мол, положительные исследования, другое дело — «метафизические» убеждения ученого. К сожалению, подобные иллюзии разделяют многие выдающиеся нейрофизиологи, хотя, казалось бы, эти иллюзии должны рассеиваться уже при первых шагах их теоретической деятельности.

Весь опыт научного познания настойчиво свидетельствует, что «метафизические», т. е. мировоззренческие, убеждения ученого оказывают не только опосредствованное, но и самое не-

посредственное влияние на процесс его творческой деятельности. И, пожалуй, ярче всего это проявляется в образе мышления нейрофизиологов, сталкивающихся лицом к лицу с психическими явлениями и острой необходимостью их объяснения в связи с наблюдаемой ими материальной деятельностью мозга.

Рассмотрим кратко в указанном отношении взгляды одного из крупнейших нейрофизиологов нашего века Чарльза Шеррингтона, которому принадлежит немалая роль в упрочении дуалистической традиции в западной психофизиологии.

Справедливо подчеркивая приспособительную роль психики, тесную связь психических явлений с нейрофизиологическими и соматическими процессами, Ч. Шеррингтон уже в своей книге «Интегративная деятельность нервной системы», вышедшей в 1906 г., склоняется к дуалистическому истолкованию старой проблемы духа и тела. Главный вопрос, на котором он сосредоточивает интерес, состоит в том, как связаны духовные явления с материальной деятельностью мозга. Внимательное чтение показывает весь трагизм борьбы Шеррингтона-естествоиспытателя против своих же мировоззренческих установок. С одной стороны, он решительно настаивает на неразрывной связи психического с физиологическим, призывает к объединению этих разнородных явлений в научном исследовании. Но, с другой стороны, он не в состоянии преодолеть предвзятого представления об *абсолютном отличии* психических явлений от материальных и не в состоянии перешагнуть вырытую им же пропасть. Реальные трудности исследования психических явлений физиологическими методами еще больше углубляют это противоречие.

В дальнейшем Шеррингтон все более определенно ищет выход на путях дуалистического параллелизма духовных и телесных явлений (мы имеем в виду его широко известную книгу «Человек о своей природе», представляющую собрание лекций, прочитанных им в 1937—1938 годах в Эдинбургском университете). Психическое, духовное, по мысли Шеррингтона, не возникает из материального, оно изначально, оно лишь «пробуждается», приобретая развитую форму (Ch. Sherrington, 1942, p. 271). И хотя «кора является той областью, где встречаются мозг и дух» (там же, стр. 264), встречаются они, так сказать, на паритетных началах. Мысль уже фактически не является функцией мозга, субъективным проявлением его материальной деятельности, она имеет свой особый источник, лежащий за пределами материи, но почему-то обитает все-таки в мозгу. И Шеррингтон делает еще один вполне логичный в его позиции шаг: он склонен вообще вынести психическое, духовное, за пределы естествознания, в сферу «естественной теологии». Эта операция проводится на том основании, что психическое не является физическим, а постольку недоступно естественно-

научному исследованию. «Физиология, естествознание хранят молчание по поводу всего, что лежит за пределами физического» (Ch. Sherrington, 1952, p. 1). В приведенном высказывании Шеррингтона ясно видно, к каким последствиям приводит дуалистическое противопоставление духовных и телесных явлений; абсолютизация различий делает психическое недосыгаемым для научного познания.

Кроме того, аргументация Шеррингтона неубедительна по существу, ибо психическое есть свойство высокоорганизованных материальных процессов; оно, действительно, не может быть отнесено к категории физических явлений, подобно тому, как не может быть к ним отнесена информация (не сигнал информации, а именно информация как таковая). Но отсюда еще не следует, что информация не может быть объектом естественнонаучного исследования. В равной мере и психическое, будучи в высшей степени оригинальным явлением, становится перед лицом естествознания заурядным объектом изучения, *как всякое свойство*.

Шеррингтон чрезмерно пессимистически оценивает достижения естествознания в области исследования природы психических явлений. В 1952 г. он повторяет свою мысль, высказанную впервые в 1906 г. (в книге «Интегративная деятельность нервной системы» (Ch. Sherrington, 1948, p. XIII), что в области познания отношения духа к телу мы не продвинулись вперед по сравнению с Аристотелем (см. Ch. Sherrington, 1952, p. 4).

«В этом вопросе, как нам кажется, мы и сейчас стоим на мертвой точке», — говорит Сэмюэл (W. Samuel, 1952, p. 69), повторяя высказывание Шеррингтона и стремясь чисто философски подкрепить его концепцию. Согласно Сэмюэлу, материальный мир не является продуктом духа. Но и духовное не является продуктом материи. Усилия свести материю к духу или дух к материи остались, по его мнению, безуспешными, хотя несомненно, что «фактически тело, включая мозг, обуславливает дух и оказывает на него влияние, а дух обуславливает телесные изменения и оказывает влияние на них» (там же, стр. 68). Дальше этих малосодержательных утверждений Сэмюэл не продвигается, не будучи в состоянии предложить какую-либо положительную программу исследований, что является весьма типичным для представителей дуализма, будь они нейрофизиологами или философами; то же самое мы видим и у психологов (например, у В. Р. Гесса (W. R. Hess, 1962) и других).

Попытка дальнейшего развития и конкретизации концепции Шеррингтона была предпринята его учеником, крупнейшим современным специалистом в области физиологии нейрона и синоптических образований Дж. Экклзом. В отличие от других

нейрофизиологов, тяготеющих к дуалистическим взглядам, но не отдающих себе отчета в том, насколько эти взгляды определяют образ их научного мышления, Экклз вполне сознательно опирается на дуалистический принцип как на источник выдвигаемых им гипотез. Более того, он полагает, что дуалистическая позиция является пока единственно приемлемой для нейрофизиолога, дает ему «отправной постулат для научного подхода к проблеме сознания и мозга» (J. C. Eccles, 1953, p. 265).

Экклз справедливо отмечает, что Шеррингтон лишь поставил вопрос, как связаны духовное и телесное, сознание и мозг, как соединены эти противоположные начала в человеке, но оставил его без какого-либо определенного ответа. Экклз стремится восполнить этот пробел, следуя принципам Шеррингтона и опираясь на введенное последним понятие пространственно-временной нервной модели, с которой каким-то образом связано сознание (заметим, что это понятие само по себе имеет глубокое содержание и отражает реальные формы мозговой активности). Именно такого рода мозговые образования, согласно Экклзу, выступают в роли своеобразного приемника духовной субстанции, разлитой в универсуме. Его гипотеза заключается в том, что «мозг при помощи особой способности входит в связь с духом, обладая свойством «детектора», исключительная чувствительность которого несравнима с детектором какого бы то ни было физического инструмента» (там же, стр. 267—268). Подобное «подключение» духа к мозгу совершается скорее всего на уровне синаптических образований, а дальше уже все происходит по законам нейрофизиологических отношений. И хотя Экклз подвергает критике картезианскую концепцию взаимоотношения духа и тела, называя ее механистической, сам он по сравнению с Декартом не вносит ничего принципиально нового, заменяя только механистические описания электрофизиологическими и выдворяя дух из его излюбленного местобитания в шишковидной железе. У Декарта дух непосредственно воздействует на эпифиз, а у Экклза — на синапсы; в этом вся разница.

Гипотеза Экклза лишь по видимости предлагает программу исследований. На самом деле она совершенно бесперспективна, искусственна и уже с первых шагов порождает дополнительные недоразумения. В самом деле, что это за «особая способность» улавливать дух? И как можно уловить неуловимое? Ведь дух, согласно дуалистическому принципу, есть нечто абсолютно противоположное физическому, телесному, нечто совершенно лишённое энергетических свойств, нечто абсолютно «прозрачное» для материи. Как же тогда дух может воздействовать на физическое, телесное, если даже оно и обладает «исключительной чувствительностью»? Или, быть может, дух — это особо «тонкая

Энергия», витающая в универсуме? Но тогда рушится дуалистический принцип. И, главное, почему бесплотный дух, вступающая таинственным образом в контакт с мозгом, создает столь знакомое нам разнообразие личностей? По-видимому, тело и мозг не играют здесь никакой роли и все зависит от прихоти духа. Далеко не случайно Экклз признает, что он не в состоянии «ответить на вопрос, как происходит то, что данное «я» находится в связи исключительно только с данным мозгом» (J. C. Eccles, 1953, p. 285). Это действительно роковой вопрос для концепции Экклза. Руководствуясь ею, мы попадаем в сферу вопиющей логической неопределенности. И если Экклз считает, что его гипотеза способствует расширению границ естественных наук за пределы «природной системы — материи, энергии» (там же, стр. 265), то мы вынуждены признать, что в действительности такое расширение означает только выход за пределы науки вообще, в область теологии или спиритизма.

Следует подчеркнуть, что многие нейрофизиологи, психологи и представители смежных специальностей в странах Запада отдают себе полный отчет в том вреде, который наносят науке идеалистические и дуалистические взгляды, и подвергают их резкой критике с материалистических позиций. Так известный американский ученый К. Прибрам, говоря о перспективах развития нейропсихологии, в которую им внесен крупнейший вклад, специально отмечает: «Основное препятствие к развитию нашей области знаний заключалось в философском дуализме, которым были отмечены все направления исследования поведения в течение последних пятидесяти лет» (К. Прибрам, 1964, стр. 16). Португальский психиатр И. Себра-Динис справедливо подчеркивает, что «традиционные дуалистические концепции, которым благоприятствует социальный климат западных стран», существенно препятствуют использованию нейрофизиологии в области психологии и педагогики (I. Seabra-Dinis, 1962, p. 52).

В противоположность дуалистическим концепциям, английский физиолог Дж. О'Лири (J. O' Leary, 1965), обобщая достижения нейрофизиологии и нейроморфологии за последние тридцать лет (учения о химических медиаторах и о проведении возбуждения в синапсах, о постсинаптических потенциалах, о спонтанных ритмах и корковых потенциалах; данные электронной микроскопии и т. д.), приходит к выводу, что расширение и углубление наших знаний о структуре и функциях головного мозга приближают нас к нейрофизиологической интерпретации проблемы сознания. Можно также отметить отчетливо материалистические выступления многих крупных нейрофизиологов на известном симпозиуме «Мозговые механизмы и сознание», сыгравшем значительную роль в разработке этой проблемы. К ним относятся доклады и выступления в дискуссиях А. Е. Фессара (A. E. Fessard, 1953), Р. Янга (R. Jang, 1953),

К. Лешли (K. S. Lashley, 1953), Г. Гасто (H. Gastaut, 1953) и других.

Среди западных нейрофизиологов особенно большие заслуги в критике дуализма несомненно принадлежат Лешли, активно выступавшему против точки зрения, согласно которой мозг является всего-навсего лишь агентом духа, и ее новейших модификаций. Уделяя много внимания анализу взаимоотношения сознания и нервной деятельности, он подверг подробному критическому рассмотрению взгляды Шеррингтона, Экклза, Уолша, убедительно показал несостоятельность их дуалистических установок и пагубное влияние последних на естествознание. Возражая Уолшу, который пытается при помощи божественной души объяснить то обстоятельство, что при незначительных морфологических различиях мозга животных и человека и совершающихся у них нейродинамических процессах наблюдаются разительные отличия человеческого духа от психики животных, Лешли говорит: «Я не готов принять эти доктрины научного отчаяния и христианской надежды. Они основаны на полном искажении фактов сознания» (K. S. Lashley, 1958, p. 2). Лешли относит это высказывание и в адрес концепции Экклза о влиянии духа на синаптические образования, показывает неосновательность ссылки Экклза на принцип неопределенности и телепатические явления с целью обоснования своей гипотезы; он выдвигает точные аргументы, показывающие беспочвенность утверждений Шеррингтона о том, что в бинокулярном зрении осуществляется чисто духовный синтез и т. д.

Анализируя концепцию дуалистического параллелизма, Лешли подчеркивает ее полную бесперспективность для нейрофизиолога и психолога: «Эта доктрина,— по его мнению,— не дает никакого ключа к природе мозговых операций» (там же, стр. 11).

Большой интерес к философским проблемам психофизиологии проявляет видный американский нейрофизиолог К. Херрик (C. Herrick, 1956, 1957), выступающий с материалистических позиций и выдвинувший в своей области ряд плодотворных общих идей.

Борьба против всевозможных идеалистических наслоений в естествознании заставляет обращать особое внимание на их гносеологические корни, как правило ускользающие из поля зрения материалистически настроенных естествоиспытателей западных стран.

Важнейшим гносеологическим источником идеалистических и дуалистических тенденций среди нейрофизиологов и психологов является явная или неявная абсолютизация различий между психическим и физиологическим; вначале понятия физиологического и психического абсолютно противопоставляются друг другу, а потом затрачиваются невероятные и бесплодные усилия на то, чтобы их соединить.

Этот гносеологический источник идеалистических и дуалистических взглядов питается текущими слабостями естествознания и его внутренними теоретическими противоречиями, трудностями исследования психических явлений в связи с нейрофизиологическими изменениями в головном мозгу и целым рядом других объективных обстоятельств. К ним прежде всего следует отнести тот факт, что мышление естествоиспытателя, интересующегося высшими формами деятельности головного мозга, с самого начала его пути совершается в русле двух разных исторически сложившихся систем понятий, довольно слабо связанных между собой, а именно: системы физиологических понятий, описывающих деятельность мозга со стороны протекающих в нем материальных процессов, и системы психологических понятий, описывающих деятельность мозга совсем в другой плоскости, со стороны содержательно оформленных внутренних состояний личности и целенаправленных действий.

По вполне понятным причинам психологическое описание обладает несоизмеримо большим разнообразием по сравнению с физиологическим описанием деятельности мозга. Психические явления даны личности как бы непосредственно и с этой своей «внешней стороны», т. е. на феноменологическом уровне, сравнительно легко доступны для приблизительных обобщений и классификаций; кроме того, довольно четкая эквивалентность внешних, поведенческих актов основным субъективным состояниям личности позволяла ей сопоставлять свои собственные субъективные состояния с такого же рода состояниями других личностей, а сам характер жизни в общественной среде настоятельно требовал этого. На основе такого рода первичной психологической эмпирии с веками выросла обширнейшая терминология, которая лишь в своей незначительной части, обработанной соответствующим образом, входит в психологию как науку. Наоборот, физиологические явления, протекающие в головном мозгу, не даны субъекту непосредственно; они глубоко скрыты от него, а исследование нейродинамических отношений головного мозга началось совсем недавно, переживает свой детский или, в лучшем случае, отроческий возраст; личность же непосредственно не располагает никаким эмпирическим материалом относительно того, что происходит в ее мозгу. Будучи привилегией сравнительно узкого круга профессионалов, нейрофизиологическая эмпирия и построенная на ее основе терминология выигрывает большей определенностью связываемых с нею значений, большей внутренней упорядоченностью, но в то же время несравнимо беднее по числу отображаемых ею феноменов в сопоставлении с психологической терминологией.

Отсюда собственно и происходит впечатление, будто психическая деятельность неизмеримо «богаче» тех нейродинамических отношений, которые разыгрываются в головном мозгу.

А вместе с этим крепнущим впечатлением складывается необоснованное убеждение в принципиальной невозможности «свести» психические явления к мозговым нейродинамическим явлениям. Отсюда уже один шаг до дуализма, ибо психическим явлениям не остается места в головном мозгу; но тогда они вообще выносятся за его пределы, как это мы видели у Экклза, у которого духовное, психическое, лишь на время снисходит до того, чтобы пообитать в человеческом мозгу.

Так вполне естественный для нынешнего уровня научного познания разрыв между двумя системами понятий (который все же заметно сокращается) вследствие грубой онтологической интерпретации оборачивается расколом мира на две противоположные и самостоятельные сущности. Именно здесь таятся весьма важные гносеологические причины дуалистических взглядов. Они продуцируют убеждение, приобретающее прочность предрассудка, что психическое не «содержится» в нейродинамических отношениях головного мозга и что поэтому физиологические исследования принципиально не способны раскрыть природу психического и дать объяснение его основным свойствам; при этом указанное предубеждение подкрепляется тем аргументом, что мы не можем добыть содержание психических явлений прямо и непосредственно из нейродинамических отношений мозга.

Происходит, в сущности, следующий казус: цель научного познания объявляется принципиально недостижимой на том основании, что она еще не достигнута. Дуалистические взгляды представляют собой утонченную форму капитуляции перед трудностями, встающими на пути к нейрофизиологической интерпретации психических явлений.

К сожалению, критика дуалистических взглядов в области психофизиологической проблемы затрудняется позицией некоторых философов-марксистов, пытающихся под самыми благовидными предложениями выдворить психические явления из мозга. Выше мы уже отмечали подобные тенденции у Ф. Т. Михайлова и Э. В. Ильенкова (§ 3). Но поскольку этот вопрос представляется нам очень важным и имеет прямое отношение к критике дуализма и расчистке пути к решению фундаментальных проблем науки, связанных с деятельностью мозга, целесообразно вернуться к нему еще раз и рассмотреть точку зрения А. Арсеньева, выдаваемую им за стопроцентный диалектический материализм.

«В последние годы,— пишет А. Арсеньев,— развитие радио, электроники, химии, метода меченных атомов и т. д. дало новые мощные средства исследования процессов, происходящих в мозгу человека. В связи с этим различными лабораториями мира было предпринято множество попыток установить какую-нибудь зависимость между процессами, совершающимися в моз-

гу, и содержанием мышления. Было потрачено много времени и сил. Все результаты оказались отрицательными. Никакой корреляции между логическим содержанием мышления и внутренними процессами мозга обнаружить не удалось. Между тем *знание учеными диалектического материализма позволило бы заранее предсказать подобный результат и сэкономить тем самым огромное количество сил и средств*. (А. Арсеньев, 1963, стр. 40—41. Курс. мой.— Д. Д.).

Как видим, А. Арсеньев «официально», от имени диалектического материализма, провозглашает бесперспективность исследований взаимосвязей между «содержанием мышления» и «внутренними процессами мозга», предлагает бросить это бесплодное занятие. Каковы же его доводы?

Они сводятся к следующему: «С точки зрения диалектического материализма мышление — сторона предметной деятельности общественного субъекта. Следовательно, мыслит существо, действующее предметно-практически и имеющее для этого соответствующие органы — руки. Короче говоря, мыслит не мозг сам по себе, а человек при помощи мозга, и содержанием его мышления является его предметная деятельность в определенных общественных условиях. Поэтому и невозможно найти содержание мышления в физиологических процессах или структурах мозга — этого содержания там просто нет» (там же, стр. 41).

Справедливо, что содержание мышления определяется предметной деятельностью общественного субъекта, но разве отсюда вытекает безапелляционный вывод А. Арсеньева? Его логика такова: поскольку содержание мышления определяется предметной деятельностью, а последняя это — не мозговая деятельность, то содержание мышления ни в коей мере не присуще физиологическим процессам и структурам мозга. Тезис: «содержание мышления определяется предметной деятельностью» грубо вырывается из живого контекста знания и преподносится как некий фетиш. Абстрактное определение замыкается в себе, от него уже нельзя перейти к иным определениям: содержание мышления связано *только* с предметной деятельностью и больше оно ни с чем не связано.

Но, может быть, сама предметная деятельность человека связана все-таки с нейрофизиологической деятельностью его мозга? Если человек мыслит «при помощи мозга» и осуществляет предметную деятельность не только при помощи рук и ног, но и «при помощи мозга», то содержание его мышления, как и содержание его предметной деятельности, должны быть непосредственно связаны с содержанием материальных процессов в его головном мозгу, хотя бы уже потому, что последний программирует действия рук, ног, языка и всех прочих органов. В настоящее время недопустимо игнорировать эти связи. Наука стре-

мыслится и должна узнать, каким образом кодируется содержание мышления в материальных процессах и структурах мозга.

Утверждать же, подобно А. Арсеньеву, что нет и не может быть «никакой корреляции между логическим содержанием мышления и внутренними процессами мозга» (там же, стр. 40), значит абсолютно отсекает мышление от мозга. Такого рода установки, исходящие от философа-марксиста, способны лишь дезориентировать естествоиспытателей, не говоря уже о том, что они объективно, независимо от благих намерений их автора, льют воду на мельницу дуалистических взглядов.

Для того чтобы показать, насколько далеко идущими являются запреты, налагаемые на нейрофизиологические исследования психических явлений и вместе с тем на принципиальную возможность их нейродинамической интерпретации, мы позволим себе привести следующий любопытный факт.

В 1890 г. ректор Киевской духовной семинарии архимандрит Борис опубликовал во многих отношениях поучительное сочинение «О невозможности чисто физиологического объяснения душевной жизни человека». Выступая против И. М. Сеченова и Н. О. Ковалевского, этот несомненно умный и хорошо осведомленный в науке своего времени теолог ставит своей задачей доказать, что «стремление к такому объяснению заключает в себе прямую логическую несообразность» (Архимандрит Борис, 1890, стр. 18). При этом он прямо говорит, что выступает в защиту «важнейшего постулата религии, требующего признания бытия души, как самостоятельного начала душевной жизни человека» (там же, стр. 22), а также отдает себе полный отчет в том, что «физиологическое объяснение психических явлений, начиная со своего первого появления в науке, всегда было тесно связано с материализмом, как его постулат или же как необходимый вывод из его начал» (там же, стр. 18).

Архимандрит Борис не отрицает, что душевная жизнь, психические процессы осуществляются *при помощи мозга*; он пытается только доказать, что психические явления имеют свой источник и свое подлинное бытие вне головного мозга. «Если с изменением в состоянии мозга иначе образуются и психические функции, то это доказывает только, чего никто не отрицает,— что душа определяется мозгом и что интенсивность и ясность психического процесса могут зависеть от состояний мозга» (там же, стр. 22). Но «все физиологические черты и явления имеют только видоизменяющее (модифицирующее) влияние на душу. Сами они никогда не представляют настоящих, достаточных, ближайших причин душевных явлений». «Материализм вместе с тем не в состоянии объяснить душевное и материальное в их взаимодействии» (там же). И, наконец, главный вывод, который подкрепляется ссылками на Дюбуа Реймона, К. Людвиг и других крупных физиологов: «между физио-

логическими явлениями и психическими феноменами не может быть принято никакого сходства, никакой аналогии» (Архимандрит Борис, 1890, стр. 25).

Конечно, почтенный архимандрит доказывает лишь то, что уже содержится в его послылках (мы имеем в виду положение о «самостоятельном начале душевных явлений»). Но показательно другое: верный служитель церкви аргументирует точно так же, как и дуалистически настроенные нейрофизиологи и психологи, использует те же доводы против материализма, что и они, заключая от неумения физиологически объяснять психические явления к принципиальной невозможности такого объяснения; но самое интересное, что именно в этом пункте он целиком единодушен с некоторыми философами, выступающими от имени диалектического материализма. Во всяком случае с ним можно согласиться в одном: доказательство невозможности физиологического объяснения психических явлений, если бы только оно могло быть последовательно и непротиворечиво проведено, определенно свидетельствовало бы против материализма, в пользу идеалистических и дуалистических взглядов и религии. Приняв тезис о принципиальной невозможности физиологического (нейродинамического) объяснения психических явлений, теоретик обязан либо отрицать положение о том, что психическое есть функция головного мозга, либо, разделяя это положение, объявить указанную функцию непознаваемой, что так же несовместимо с диалектическим материализмом и естествознанием.

Действительная разработка психофизиологической проблемы не имеет ничего общего с дуалистическими и идеалистическими предпосылками, она требует последовательного проведения принципов диалектического материализма. Методологические принципы диалектического материализма обеспечивают широчайший простор для поисков новых путей и методов естественнонаучного исследования функций головного мозга; более того, они стимулируют такие поиски, выполняя эвристическую роль не только в отыскании новых аналитических подходов к объекту, но и в нахождении новых форм интеграции результатов, добытых в разных плоскостях исследования и в этом смысле они не терпят предельно жестких разграничительных линий. Методологические принципы диалектического материализма помогают оценить актуальность той или иной плоскости исследования объекта и, что особенно важно, ее место в контексте всей системы знаний о данном объекте; они предохраняют от односторонности, от догматизма, постоянно служат творческим стимулом для исследователя.

§ 5. Основные концепции соотношения физиологического и психического в марксистской философской литературе.
Анализ теоретических разногласий

В марксистской философской литературе обсуждение психофизиологической проблемы представлено очень широко. Это вполне естественно, так как ее постановка и разработка непосредственно затрагивает основной вопрос философии и требует вдумчивого методологического анализа. Разработка психофизиологической проблемы создает важный канал влияния естественных наук на ход дальнейших исследований философской проблемы материи и сознания.

Вопрос о соотношении физиологического и психического не раз обсуждался советскими философами, психологами и физиологами еще в двадцатых и тридцатых годах (см. А. Никольский, 1925; Е. А. Аркин, 1928; А. Г. Иванов-Смоленский, 1929, и др.); однако особенно большое внимание ему было уделено в последние пятнадцать лет, когда он стал предметом особенно острых дискуссий. В них принимали и принимают активное участие философы и психологи стран социалистического содружества, особенно Чехословакии и Болгарии. За эти пятнадцать лет опубликованы буквально сотни работ, посвященных вопросу о соотношении физиологического и психического и его философским аспектам. Такое обилие публикаций само по себе уже говорит о большой актуальности психофизиологической проблемы как в плане диалектического материализма, так и с точки зрения потребностей современного естествознания.

Рассмотрение указанной литературы позволяет выделить несколько различных концепций соотношения физиологического и психического. Правда, нужно отметить, что эти концепции не являются очерченными настолько четко, чтобы их можно было совершенно однозначно интерпретировать, но тем не менее во многих своих существенных пунктах они диаметрально расходятся.

Именно эти пункты, связанные, как правило, с характеристикой психического, можно сделать исходными при рассмотрении существа каждой концепции. Поскольку все они опираются на принципы диалектического материализма, между ними имеется много общего, а задача заключается в том, чтобы определить различия.

Допустимо выделить три концепции соотношения физиологического и психического.

Первая из них характеризует не только физиологическое, но и психическое как *материальный процесс*, определяет психическое в качестве *формы движения материи*. Наиболее обнаженно

эта точка зрения была высказана А. М. Авраменко и В. М. Архиповым в дискуссии, проводившейся журналом «Советская педагогика» в 1954 г.: «Психическое — материальный процесс, как все явления природы» (А. М. Авраменко, 1954, стр. 76). «Психика — форма движения материи и протекает в пространстве и времени» (В. М. Архипов, 1954, стр. 67).

Если у названных авторов приведенные тезисы были аргументированы весьма слабо, то в дальнейшем появилось значительное число работ, в которых многосторонне обосновывалось положение о психике как форме движения материи (Ф. Ф. Кальсин, 1957; Н. Ст. Попов, 1959; Н. В. Медведев, 1960, 1963, 1966; Н. С. Мансуров, 1963; И. Земан, 1966, и др.).

Согласно Н. В. Медведеву, психическое потому является формой движения материи, что оно есть деятельность мозга. «Если мышление не есть форма движения, то как оно может активно действовать на физиологические материальные процессы в организме, приводящие в движение, например, руки людей, вооруженные орудиями труда, и изменяющие определенным образом внешний мир?» (Н. В. Медведев, 1960, стр. 118).

Таким образом, сторонники взгляда на психику как на материальный процесс, форму движения материи аргументируют от естествознания тем, что в головном мозгу протекают только материальные процессы и не обнаружено никакой духовной субстанции; от философии же они аргументируют тем, что признание психического нематериальным ведет к нарушению материалистического монизма. Если мир материален, то признание нематериальных явлений открывает, по их мнению, дорогу идеализму и дуализму. Янош Шипош подчеркивает при этом, что психические явления суть явления материального мира и, следовательно, материальные явления (см. J. Šipoš, 1964, s. 37)³.

Некоторые сторонники этой концепции идут еще дальше. Критикуя тех авторов, которые рассматривают психическое в качестве явления нематериального, т. е. идеального (В. Н. Колбановского, 1954; П. Ольшанского (P. Olšansky, 1957) и др.), чешский философ Франтишек Куклик со всей серьезностью инкриминирует им идеализм в вопросе о соотношении физиоло-

³ Заметим, что безоговорочное отождествление понятий «явление материального мира» и «материальное явление», используемое как основание доказательства, логически несостоятельно.

Интересный анализ значений и смыслов термина «материальный» проводит канадский философ-марксист Д. Голдстик, выделяющий, в частности, значения: «существовать вне и независимо от сознания» и «существовать в пространстве и времени». По его мнению, психика материальна во втором значении. В этом плане Д. Голдстик утверждает, что психика есть не что иное, как функционирующий мозг, функционирующая центральная нервная система, и постольку психика является материальной. Такая постановка вопроса безусловно направлена против идеализма, но, как нам кажется, не создает достаточных условий для раскрытия специфической информационной природы психических явлений как функции головного мозга (см. D. Goldstick, 1969).

гического и психического. Он спрашивает: «в чем заключается причина того, что марксистские философы и психологи оказываются на позициях идеализма при решении этого вопроса» (F. Kuklik, 1961, s. 775), и дает следующий ответ: главная причина состоит в том, «что эти философы и психологи не рассматривают сознание как форму движения. Если бы они понимали сознание как форму движения, то тогда, как материалисты, они не могли бы говорить о каком-то ином движении, кроме движения материи, т. е. материальном движении, а постольку для них сознание не могло бы быть чем-то нематериальным» (там же). Аналогичным образом отстаивает тезис о психическом «как наивысшей форме движения материи» Е. Менерт (E. Menert, 1960, s. 9).

Психическое «есть движение мозга», — пишет Н. В. Медведев (Н. В. Медведев, 1964а, стр. 351). «После смерти, — говорит он, — ни жизнь как форма движения материи не сохраняется, ни сознание тоже: то и другое исчезает и превращается в низшие формы движения, движения иного качества» (Н. В. Медведев, 1964б, стр. 113). Таким образом, сознание как высшая форма движения материи переходит в низшие формы движения материи.

Для обоснования этих положений Н. В. Медведев и его единомышленники берут себе в союзники Ф. Энгельса, подчеркивают, что «защищают правильные высказывания Энгельса» (там же, стр. 114). Имеется в виду следующее место из «Диалектики природы». «Движение, рассматриваемое в самом общем смысле слова, т. е. понимаемое как способ существования материи, как внутренне присущий материи атрибут, обнимает собой все происходящие во вселенной изменения и процессы, начиная от простого перемещения и кончая мышлением» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 391). Однако это высказывание можно истолковывать и в том смысле (как это делает, например, В. Н. Колбановский, 1964), что мышление является свойством движущейся материи. В противном случае нетрудно противопоставить ему другие высказывания классиков марксизма, в которых определенно утверждается, что психические явления, сознание, представляют собой свойство движущейся материи. В. И. Ленин говорил, что суть материализма состоит не в том, «чтобы выводить ощущение из движения материи или сводить к движению материи, а в том, что ощущение признается одним из свойств движущейся материи» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 41); он подчеркивал, что «назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» (там же, стр. 257).

Возникает вопрос: каким образом сторонники рассматриваемой концепции обосновывают свои совершенно очевидные разногласия с В. И. Лениным (мы не станем приводить многие другие хорошо известные положения классиков марксизма, в

том числе и самого Энгельса, идущие вразрез с пониманием психического, сознания, как формы движения материи); каким образом они обходят общеизвестное марксистское положение об идеальном характере сознания, психического?

Для этого вводится два аспекта рассмотрения сознания, психического (мы употребляем в данном контексте термины «психическое» и «сознание» как идентичные, т. е. так, как они употребляются в рассматриваемой концепции): это — гносеологический и онтологический аспекты. При онтологическом рассмотрении психики она представляет собой материальный процесс, а при гносеологическом ее рассмотрении — является идеальным процессом. Но здесь возникает целый ряд неясностей. Во-первых, в каком смысле говорится об онтологическом рассмотрении психики? Ведь марксистская философия не знает онтологии в том значении, в каком этот термин употреблялся в домарксистской философии. Чистая онтология может быть только пережитком метафизического материализма. Диалектический материализм не разделяется на гносеологию и онтологию, а поэтому и непонятно, что собой представляет чисто онтологический подход к пониманию сознания. Однако большинство представителей рассматриваемой концепции все же поясняет, что имеется в виду под онтологическим подходом (или аспектом): под ним подразумевается естественнонаучный подход.

Правда, такое отождествление естественнонаучного подхода с философской категорией онтологического неправомерно (это, в частности, отмечается Ф. И. Георгиевым, 1964) и может быть принято лишь условно.

Но что это может означать? Только одно: что в естествознании понятие идеального не имеет смысла, что естественнонаучное исследование психических явлений должно рассматривать их только как материальные процессы. Как же быть тогда психиатру или психологу, если им запрещается пользоваться понятиями «субъективный образ объективного мира», «интересы», «навязчивая идея» и т. п.

Психическое явление не может быть одновременно и материальным и идеальным. Если психическое явление есть определенный объект исследования, то, сохраняя свою определенность, оно должно обладать лишь одной из двух противоположных характеристик. Разумеется, резкий сдвиг плоскости исследования имеет дело уже с иным объектом, но тогда нужно утверждать, что психическое вообще не может быть объектом естествознания.

С позиций рассматриваемой концепции было бы логично вообще изъять из употребления понятия идеального, субъективного, а вместе с ними и психического. Это и делают наиболее последовательные ее сторонники. Болгарский философ А. Гаврилов прямо утверждает: «Нет такой стороны функции

мозга, которая бы представляла собой «идеальный процесс» (А. Гаврилов, 1962, стр. 282). Послушаем Ф. Ф. Кальсина: «Идеальное не существует и не может существовать без материальной формы, потому что оно *по существу является материальным процессом* отражения объективной действительности в мозгу человека, а материальный процесс не может иметь никакой иной формы, кроме материальной» (Ф. Ф. Кальсин, 1957, стр. 20. Курс. мой.— Д. Д.). Из правильного положения, что идеальное не может существовать само по себе, Ф. Ф. Кальсин делает вывод, что идеальное есть материальное. Но в этом случае какая-либо нужда в понятии идеального отпадает и оно безболезненно может быть изъято. Чтобы не оставлять сомнений относительно своей точки зрения, Ф. Ф. Кальсин продолжает: «надо лишь отказаться от противопоставления идеального материальному. *Идеальное, как форма движения материи*, противоположно не материальному вообще, а той особой форме движения материи, которая отражается в идеальном, например, твердости, тяжести, магнетизму, теплоте и т. д.» (там же, стр. 24). Идеальное, оказывается, тоже форма движения материи. Получается, что в онтологическом плане идеальное не идеально, а в гносеологическом плане идеальное — идеально; твердость и тяжесть, оказывается, тоже формы движения материи и могут выступать в качестве антиподов идеального как формы движения материи. Это уже окончательно непонятно, ибо термин «идеальное» утрачивает всякий смысл.

Примерно то же мы видим у Е. Менерта. «*Мысль*, — пишет он, — есть абстракция из фактического, материального процесса мышления» (Е. Menert, 1962, s. 209); «идеальность есть абстракция, выделенная из материального процесса познания» (там же, стр. 216). Согласно Менерту, идеальное — это абстракция, в то время как материальное не является абстракцией; мышление тоже не является абстракцией, так как оно материально, а вот «продукт сознательного процесса (идея, мысль)» (там же, стр. 209) — абстракция. Но ведь научное мышление не способно отобразить, уловить объект своего исследования иначе, как в абстракции. Категория материи представляет собой, как это слишком хорошо известно, тоже абстракцию, с помощью которой отображается объективная реальность. Категория идеального есть абстракция, с помощью которой отображается, обозначается субъективная реальность, столь знакомая каждому человеку. Говорить, что идеальное отличается от материального только тем, что оно является абстракцией, в то время как материальное таковой не является, значит находиться в плену наивного онтологизма. Подобная теоретическая несообразность как раз и является следствием так называемого чисто онтологического подхода. Для концепции Менерта вовсе *не нужна* категория идеального и она фигурирует в ней на правах бессодержательного

слова. В самом деле, если мышление — материально, а мысль называется идеальным, то не лучше ли вообще отбросить термин «идеальное», чтобы он не создавал логической неразберихи и связанных с нею недоразумений.

Точно так же как и категория идеального, совершенно чуждой для рассматриваемой концепции является категория субъективного. Если сознание, мышление, психическое это — материальные процессы, то они, следовательно, существуют объективно, представляют собой объективную реальность. У Ф. Куклика выделяется курсивом следующее высказывание: «Душевные процессы являются объективно существующими; это означает, что они материальны» (Ф. Куклик, 1961, с. 776). Поэтому, говорит он, неправильно «объявлять психическое субъективным» (там же). Такого рода позиция, вытекающая из сугубо онтологического подхода к психическим явлениям, ведет к отрицанию понятия субъективного образа, к признанию, что психический образ (например, образ дерева, которое воспринимает человек) существует в головном мозгу объективно. И то и другое несостоятельно. В головном мозгу нет дерева как материального образа, объективно существующего образа, подобно фотоснимку; содержание образа воплощено в нейродинамических мозговых комплексах, но как таковое оно есть именно субъективная, а не объективная реальность. Категория субъективного для того и употребляется, чтобы отобразить, обозначить эту специфическую черту деятельности мозга, когда вызванная в нем действием, например, внешнего объекта нейродинамическая активность переживается субъектом в виде образа объекта; ибо нейродинамическая активность сама по себе не может быть названа образом.

Увлеченные наивным онтологизмом, сторонники полной материализации психического, ликвидируя по существу понятия идеального и субъективного, не замечают, что теряют под ногами почву, ликвидируют заодно и категории материального и объективного; ибо категория материального теряет смысл, не будучи противопоставленной категории идеального (как и наоборот, категория идеального теряет смысл, не будучи противопоставленной категории материального, как это особенно наглядно продемонстрировал нам Ф. Ф. Кальсин). Соответственно, категория объективного теряет смысл, не будучи противопоставленной категории субъективного (как и наоборот). Создается впечатление, что сторонники данной концепции имеют не одно, а целых два понятия материального: одно — гносеологическое понятие материи, а другое — онтологическое понятие материи⁴.

⁴ Так, например, Н. С. Мансуров даже специально ставит вопрос о том, «что представляет собой онтологически (сама по себе, вне гносеологии) материя и психика, сознание» (см. Н. С. Мансуров, 1959, стр. 603).

Стремление освободиться от категорий идеального и субъективного, а вместе с ними от понятия психического и психологических описаний вообще не является новым в философии и естествознании. Именно на таком упразднении указанных понятий (а вместе с ними и категории материи, что весьма логично) решительно настаивают неопозитивисты (см., например, (А. J. Ayer, 1952; G. Ryle, 1952), а среди естествоиспытателей — радикальные бихевиористы. В советской литературе конца двадцатых годов, как мы уже отмечали, этот взгляд энергично проводился А. Г. Ивановым-Смоленским. Говоря о теории тропизмов Лёба и учении об условных рефлексах И. П. Павлова, А. Г. Иванов-Смоленский подчеркивает, что они глубоко связаны внутренне и в своем единстве составляют новую науку о поведении, противостоящую классической психологии (см. А. Г. Иванов-Смоленский, 1929, стр. 113). По его мнению, «новая наука о поведении человека строится на строго монистической предпосылке тождества психической и высшей нервной деятельности» (там же, стр. 114). Для науки XX столетия, продолжает он, то, что обычно именуется психическим — «это биологическое и вместе с тем физико-химическое взаимодействие среды и организма, физиологическое уравнивание мозга в окружающем мире (включая и внутрителесные воздействия на мозг), высшая рефлекторная деятельность верхних отделов нервного аппарата, т. е., иными словами, сложная биохимическая жизнедеятельность организма, объединенная в форме высшей нервной деятельности» (там же, стр. 115).

«Но во что же тогда превращаются противоположения психического и материального, объективного и субъективного, внешнего и внутреннего?»

Встав на только что изложенную точку зрения, мы неизбежно должны будем признать их несоответствующими современным данным естествознания, устаревшими, неверными, требующими пересмотра и замены новыми адекватными настоящему состоянию естественных наук понятиями» (там же, стр. 115—116).

Из приведенных высказываний А. Г. Иванова-Смоленского видна почти полная идентичность его взглядов, относящихся к 1929 г. (но в сущности своей восходящих к воззрениям Ламетри и Кабаниса), со взглядами современных представителей концепции о психическом как форме движения материи (и всеми вытекающими из нее следствиями). Такого рода исторические экскурсы, на наш взгляд, вполне уместны, так как раскрывают традиции, идущие в естествознании XX в. от бихевиористов, а также от некоторых ученых, относящих себя к школе И. П. Павлова.

Как же решается представителями рассматриваемой концепции вопрос о соотношении физиологического и психического? Нужно сразу же сказать, что здесь начинаются серьезные раз-

ногласия между теми, кто единодушно признает психическое формой движения материи.

Так, Н. С. Мансуров, следуя установке о разделении гносеологического и онтологического подходов к явлениям психики, утверждает, что «психическое по своей «структуре», «природе» — материально, так как является физиологической материальной деятельностью мозга» (Н. С. Мансуров, 1959, стр. 605). «Убедительные факты современной науки, — продолжает он, — свидетельствуют о том, что при действии внешних раздражителей на анализаторы человека в его мозгу не возникает никакого бесплотного (в смысле антиматериального) «отражения». Все, что при этом происходит в мозгу, достаточно хорошо изучено павловской физиологией высшей нервной деятельности. И ничего, кроме физиологических процессов, при этом не обнаружено. Это позволяет сделать вывод: психическое, явления сознания — это физиологические, материальные процессы, обладающие, конечно, своими специфическими закономерностями, отличающими их, скажем, от физиологических процессов пищеварения. Психическое — это высшая нервная деятельность человека» (там же, стр. 604). В более поздней работе Н. С. Мансуров пишет, что «психическое нужно рассматривать как результат высшей нервной деятельности, характеризующийся законченностью, структурной оформленностью» (Н. С. Мансуров, 1963, стр. 32); эта поправка («результат») не меняет, однако, сути дела.

Такого же взгляда придерживается Е. Менерт, ставящий знак равенства между понятиями «духовный процесс», «психический процесс» и «высшая нервная деятельность» (Е. Менерт, 1962, с. 211). В этом отношении названные авторы полностью солидаризуются с теми представителями павловской школы, которые отождествляют психическую деятельность с высшей нервной деятельностью (К. М. Быков, 1959; П. С. Купалов, 1963; А. Г. Иванов-Смоленский, 1952а, 1952б; Л. Г. Воронин, 1957; Э. А. Асратян, 1964; П. В. Симонов, 1953, и другие).

Однако другие представители рассматриваемой концепции вносят существенные поправки к положению, что психика есть высшая нервная деятельность, или же вовсе с ним не соглашаются, стремясь как-то разграничить физиологическое и психическое и избежать тем самым упреков в отождествлении этих понятий. «Психическая, отражательная деятельность мозга, — пишет Н. В. Медведев, — представляет собою качественно высшую форму движения, функционирования мозга по сравнению с его физиологическим функционированием. Поэтому физиологические процессы, выступая в качестве основы психического, не исчерпывают существа и специфики отражательной деятельности. Отношение между психическим и физиологическим такое же, как между любыми другими низшими и высшими формами движе-

ния» (Н. В. Медведев, 1960, стр. 117—118)⁵. При этом Н. В. Медведев тоже признает, что психика есть высшая нервная деятельность, т. е. рефлекторная деятельность, однако полагает, что последняя является одновременно и физиологической и психической: «В соответствии с духом учения И. П. Павлова мы должны внутри условных рефлексов на уровнях обеих сигнальных систем человеческого мозга отличать физиологические процессы от психических» (там же, стр. 115). Но возникает вопрос: как можно «внутри условных рефлексов» различать две качественно различные формы движения материи? Никаких критериев для такого различения Н. В. Медведев не предлагает, а потому остается только верить ему на слово, что психическое — это не физиологическое. Кстати, в данном пункте ясно выявляется искусственность формулы: психическое есть особая форма движения материи; она не способствует выяснению понятий физиологического и психического, включая взаимоотношения между ними, а порождает полнейшую теоретическую неопределенность, так как заставляет мыслить такие виды условных рефлексов, которые должны относиться к качественно различным формам движения материи, считать некоторые рефлексы явлениями *нефизиологическими*. А ко всему еще сразу же ставит в тупик при попытке соотнести все эти «формы движения» с биологической формой движения материи, не говоря уже о том, чтобы соотнести их с химической и физической и тем более социальной формами движения материи.

Ф. Куклик тоже настоятельно подчеркивает недопустимость отождествления физиологического и психического, считая, как и Н. В. Медведев, что это — качественно различные формы движения материи. «Физиологические процессы, — пишет он, — являются количественной основой психического движения, точно так же как и всякая другая генетически низшая форма движения является количественной основой формы высшей» (Ф. Куклик, 1961, s. 770). Но в отличие от Н. В. Медведева высшую нервную деятельность Ф. Куклик рассматривает как физиологическую деятельность. Психическое, по его мнению, «есть также нервная деятельность, но качественно высшая, чем деятельность физиологическая», и высшая, чем высшая нервная деятельность, «это наивысшая нервная деятельность вообще, движение психическое, сознание» (там же); «постольку следует говорить о сознании как о наивысшей нервной деятельности, а не о высшей нервной деятельности» (там же, стр. 771) и таким путем отличать физиологическое от психического. К сожалению, Ф. Куклик не разъясняет, каким образом *нервная деятельность*, будь она низшей, высшей или наивыс-

⁵ Этот тезис воспроизводится и в других работах автора (см. Н. В. Медведев, 1963: стр. 97—98, 115 и др.).

шей, может не являться *физиологической деятельностью*. Всякая нервная деятельность есть физиологическая деятельность, если следовать общепринятому значению термина «физиологическое» (не всякий физиологический процесс есть нервная деятельность, но всякая нервная деятельность есть явление физиологическое). Поэтому различие психического и физиологического по принципу уровня нервной деятельности не может быть принято всерьез.

Самое интересное, однако, состоит в том, что Ф. Куклик считает себя вправе обвинять в вульгарном материализме В. М. Архипова, А. М. Авраменко, Е. Менерта и других философов, психологов и физиологов. Он видит основание для такого обвинения в том, что последние квалифицируют психическое как высшую нервную деятельность, рассматривая ее как физиологическую деятельность. Поскольку Ф. Куклик дает определение того, что он понимает под вульгарным материализмом, нам легко будет установить, в какой мере состоятельны его обвинения и не представляют ли они опасности для него самого.

«Вульгарные материалисты,— пишет он,— принимают сознание за определенный вид (*druh*), определенную форму материи» (Ф. Kuklik, 1961, s. 766). Цитируя высказывание В. М. Архипова, что «ощущение есть одна из форм движущейся материи», Ф. Куклик заключает, что он вполне подходит под категорию вульгарных материалистов (см. там же, стр. 767). Но буквально тут же он сам множество раз повторяет, что психическое, сознание, мышление, есть материальный процесс и тем не менее считает себя прочно застрахованным от того, чтобы быть отнесенным к той же категории. Почему? Да потому же, что он не «сводит» психическое к физиологическому, а Архипов, Авраменко, Менерт и другие «сводят»; потому, что он *говорит*, что психическая форма движения материи «представляет собой высшее качество, по сравнению с физиологическим движением, даже если это физиологическое движение наивысшего уровня» (там же, стр. 778). Но мы уже видели, что Ф. Куклик рассматривает психическое как наивысшую нервную деятельность, что он нигде не попытался уточнить, что он понимает под физиологическим, а общепринятое понимание нервной деятельности означает вид физиологической деятельности и вряд ли может означать что-либо иное. К тому же Архипов, Авраменко и Менерт далеко не всякую физиологическую нервную деятельность квалифицируют как психическую. Поэтому (если даже не принимать во внимание приведенного Ф. Кукликом определения вульгарного материалиста) одно из двух: либо Архипов и другие не являются вульгарными материалистами, либо к ним должен быть отнесен и Ф. Куклик. Но если принять во внимание приведенное Ф. Кукликом определение вульгарного

материалиста, то оно несомненно охватывает и развиваемые им взгляды.

Сторонники и пропагандисты формулы «психическое есть форма движения материи» отводят от себя обвинения в вульгарном материализме, заявляя, что вульгарные материалисты понимают сознание, психическое, как вид материи, «форму материи» (Ф. Куклик); а сами они понимают сознание как форму движения материи, а «движение не тождественно материи» (Н. В. Медведев, 1964б, стр. 114). Опять мы видим чисто словесные различия («форма материи» и «форма движения материи»); как будто допустимо мыслить материю без движения или движение без материи. Если понятие «форма материи» имеет какой-то действительно отличный смысл от понятия «форма движения материи», то следовало его четко определить. На это, однако, нет и намека.

В этой связи хотелось бы отметить, что довольно четкое физиологическое понятие «высшая нервная деятельность» (т. е. условнорефлекторная деятельность) фигурирует нередко в самых разных значениях. У Ф. Куклика высшая нервная деятельность — это только физиологическая деятельность, у Ф. Ф. Кальсина (1957) — это только психическая деятельность, у Н. В. Медведева — это и то и другое одновременно. Кстати, утверждение, что высшая нервная деятельность есть одновременно и физиологическое и психическое, защищают некоторые философы и психологи, выступающие против формулы: «психическое есть форма движения материи» (А. Киселинчев, 1956; Е. В. Шорохова, 1961; Е. В. Шорохова и В. М. Каганов, 1962; С. Л. Рубинштейн, 1957; Л. И. Анциферова, 1961, и другие). Следует, однако, заметить, что приписывание понятию высшей нервной деятельности подобной двуликости логически недопустимо и препятствует действительной разработке психофизиологической проблемы.

Подытожим кратко рассмотрение концепции соотношения физиологического и психического, опирающейся на тезис: «психика есть форма движения материи». Мы попытались показать целый ряд ее внутренних логических противоречий и возникающие при этом расхождения с принципами диалектического материализма. Данная концепция не оставляет места для категорий идеального и субъективного, а постольку в сущности снимает и категорию психического; от последней в лучшем случае остается только ее словесное обозначение. От психофизиологической проблемы же при таком подходе не остается ни малейшего следа. Упрощенное понимание материалистического монизма, основанное на «теоретической» ликвидации идеальных, субъективных явлений, представляет собой ту линию наименьшего сопротивления, по которой идет мысль некоторых философ-марксистов в вопросе о соотношении материи и сознания.

Но такого рода упрощенное понимание материалистического монизма не может служить надежным основанием для действенной критики идеалистических и дуалистических взглядов вообще и в естествознании в частности.

Рассмотренная концепция страдает чрезмерной абстрактностью рассуждений и недостаточной определенностью используемых ею понятий; она крайне слабо и большей частью лишь формально контактирует с современным естествознанием. Ее представители высказывают, конечно, немало правильных положений, справедливо акцентируют внимание на том, что психическое, духовное, не составляет собой субстанции, а есть функция головного мозга, что психическое «содержится» в головном мозгу и изучение деятельности его ведет ко все более глубокому пониманию психических явлений. Однако предлагаемое ими теоретическое построение (т. е. концепция) крайне неустойчиво и аморфно в логическом отношении, а в фактическом плане по существу ничего не объясняет.

Перейдем к обсуждению второй концепции, которая представлена главным образом М. Р. Могендовичем (1961), Г. Векиловым (1965а, 1965б) и особенно полно изложена в многочисленных работах В. В. Орлова (1960, 1966а, 1966б, и др.), посвященных психофизиологической проблеме. В некоторых отношениях эта концепция примыкает к взглядам на природу психического Л. С. Выготского, А. Н. Леонтьева и других советских психологов.

Так как данная концепция наиболее подробно развита В. В. Орловым, то при ее рассмотрении мы будем преимущественно опираться на работы последнего, привлекая в необходимых случаях материалы из работ других авторов.

В. В. Орлов категорически отвергает тезис о психике как форме движения материи, подчеркивает недопустимость отождествления психического с высшей нервной деятельностью, понятий физиологического и психического, дает обстоятельное рассмотрение психофизиологической проблемы, широко используя данные современного естествознания. Большое внимание уделяется им методологическим вопросам, возникающим на стыке физиологических и психологических исследований.

В чем же состоит существо концепции, защищаемой В. В. Орловым? Попытаемся кратко ответить на это его же словами. «Согласно научному материализму,— говорит В. В. Орлов,— психика есть духовная, идеальная деятельность материального мозга» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 425. Курс. мой.— Д. Д.). «Психическая деятельность является основной, ведущей деятельностью мозга. Она неравноправна, неравноценна с физиологической функцией; завися от последней, она в то же время

в известных пределах *подчиняет себе физиологическую деятельность.*

Соотношение психического и физиологического — это *отношение высшего и низшего, простого и сложного*, в то время как отношение «психика — мозг» является связью одного уровня сложности» (там же.— Курс. мой. — Д. Д.).

С целью обоснования приведенных положений В. В. Орлов прделывает большую подготовительную работу, а именно: подробно рассматривает взгляды И. М. Сеченова и И. П. Павлова на проблему физиологического и психического и находит, по его мнению, убедительные подтверждения правильности своей концепции. Далее он столь же подробно рассматривает философскую проблему материи и сознания в ее общем плане, интерпретируя ее затем в соответствии со своей концепцией; и, наконец, специально анализирует вопрос о соотношении высшего и низшего, используя полученные результаты в целях определения характера взаимосвязи между психическим и физиологическим.

Мы не будем касаться того, как интерпретирует В. В. Орлов взгляды И. П. Павлова и И. М. Сеченова, так как для обоснования имеющихся у нас на этот счет возражений понадобилось бы слишком много места, а остановимся на выяснении особенностей его понимания проблемы материи и сознания, поскольку здесь лежит исходный пункт, теоретический базис всей концепции.

В. В. Орлов (подобно Н. В. Медведеву, Е. Менерту и другим) настаивает на необходимости обсуждения проблемы материи и сознания в двух планах: онтологическом и гносеологическом, считая такой подход обязательным для всякого марксиста (см. В. В. Орлов, 1966б, стр. 160—161). Однако в противоположность тем авторам, которые считают, что в онтологическом плане сознание является материальным, В. В. Орлов считает, что сознание, психическое, является идеальным и в гносеологическом и в онтологическом планах. Он подвергает резкой критике утверждение об исключительно гносеологическом характере противоположности материи и сознания и развивает мысль о том, что эта противоположность носит также и онтологический характер, поскольку и здесь сохраняется отношение первичности и вторичности (т. е. первичности материи и вторичности сознания). Онтологический план рассмотрения мыслится при этом как выяснение отношения сознания к мозгу. «Противоположность сознания и мозга,— пишет он,— является основой противоположности материалистического и идеалистического понимания соотношения сознания и мозга» (там же, стр. 169). Здесь недостаточно ясно, что означает противоположность сознания и мозга и тем более неясно, как можно истолковать противоположность сознания и мозга в духе первичности и

вторичности. Попытку объяснить это мы встречаем у болгарского философа Гроздана Векилова, взгляды которого близки к концепции В. В. Орлова. «Вторичность образов,— пишет Г. Векилов,— в этом случае существенно отличается от их вторичности по отношению к объективному миру. В этом случае образы являются вторичными, поскольку они зависят от нормального функционирования материального мозгового субстрата, поскольку без него они не могут существовать» (Г. Векилов, 1965а, стр. 64).

Приведенное высказывание ясно обнаруживает искусственность сопоставления сознания (психических образов) и мозга посредством отношения первичного и вторичного, ибо это обязательно означает *временную* последовательность, а психический образ не может быть отделен во времени от «нормального функционирования материального мозгового субстрата». Здесь уже начинает выявляться несостоятельность так называемого чисто онтологического подхода, логические противоречия, порождаемые установкой о противоположности сознания и мозга (поскольку, по мнению В. В. Орлова, именно «в отношениях первичности — вторичности и заключено отношение противоположности» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 168)).

Интересно то, что В. В. Орлов видит и отмечает логические противоречия в рассуждениях других авторов (у Е. В. Шороховой, Л. И. Анциферовой и других), возникающие при так называемом онтологическом рассмотрении проблемы материи и сознания, но не желает видеть искусственности такого рассмотрения вообще и своей собственной непоследовательности. Как мы уже отмечали, признание правомерности рассмотрения отношения материи и сознания в онтологическом плане обязывает дать онтологическое определение не только сознания, но и *материи*. Известны даже такого рода попытки⁶. В. В. Орлов понимает полную несостоятельность попыток дать «онтологическое определение» материи. «Понятие «сущности природы»,— пишет он,— само по себе, вне противопоставления природы сознанию, не содержит ни малейшего указания на материализм» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 172). «Позволительно спросить, оста-

⁶ В. П. Тугаринов утверждает, например, что «материя в онтологическом отношении выступает как всеобщий предмет, как сущность природы...» (В. П. Тугаринов, 1956, стр. 30). Спустя десять лет «материя как субстанция мира» фигурирует у Н. В. Медведева (Н. В. Медведев, 1966, стр. 119). Основательная критика попыток чисто онтологического определения материи дана П. В. Копниным, который справедливо подчеркивает, что «в диалектическом материализме снято деление на онтологию и гносеологию» (П. В. Копнин, 1966, стр. 29). «Понятие материи в диалектическом материализме,— пишет П. В. Копнин,— не тождественно субстанции, как она понималась в различных метафизических системах. Материя — не метафизическая сущность, лежащая в основе всех вещей, а это все явления, вещи, процессы, существующие вне и независимо от сознания человека. Вне отношения бытия к мышлению понятие материи не имеет смысла» (там же, стр. 28).

ются ли материя и сознание предельно широкими понятиями философии и в плане онтологии? Если да, то, согласно логике, их нельзя определить иначе, как через противопоставление (и сходство) друг другу, через указание на то, что является первичным» (там же).

Но при полном понимании несостоятельности онтологического «определения» материи, В. В. Орлов, как это ни странно, обнаруживает столь же полное непонимание несостоятельности онтологического «определения» сознания (психического): «С онтологической стороны мы рассматриваем идеальное как *продукт развития материи и реальный мозговой процесс*, тесно связанный с материальными нервными процессами, *но не тождественный с ними*» (там же, стр. 176. Курс. мой.— Д. Д.). В. В. Орлов многократно подчеркивает, что «сознание, будучи отображением действительности, т. е. идеальным явлением, в то же самое время представляет собой реальное мозговое явление и не перестает быть идеальным» (там же, стр. 176).

Но здесь В. В. Орлов забывает сделать одно чрезвычайно важное уточнение: каков характер *реальности* идеального как мозгового явления. Ведь реальность идеального как мозгового явления признают и Гегель, и Экклз, и архимандрит Борис. Это совершенно необходимое уточнение можно сделать только путем указания (если иметь в виду первый шаг анализа) на то, *какой реальностью* является идеальное — *объективной* или *субъективной*. Если реальность идеального как мозгового явления — это объективная реальность, то тогда тезис В. В. Орлова может означать либо то, что идеальное есть особое духовное начало, существующее само по себе и частично обитающее в головном мозгу (под этим, конечно, охотно подпишутся все идеалисты и дуалисты вместе с архимандритом Борисом), либо то, что идеальное есть материальное или разновидность последнего (к этому выводу пришли Н. В. Медведев, Ф. Куклик, Е. Менерт, *последовательно проводя* принцип онтологического рассмотрения сознания).

Если же реальность идеального как мозгового явления есть субъективная реальность, то тогда, при соответствующих уточнениях понятий, с этим могут согласиться многие философы, стоящие на позициях диалектического материализма; и тогда как раз и возникает вопрос о том, как содержится эта субъективная реальность (т. е. субъективные образы внешней действительности, наши мысли, чувства, идеи) в объективной реальности мозговых процессов. Отвечая на этот вопрос в наиболее абстрактной форме, многие философы-марксисты квалифицируют эту субъективную реальность как свойство некоторых мозговых процессов.

Поскольку вопрос о характере реальности идеального как мозгового явления имеет исключительно важное значение и мо-

жет быть решен в общем виде только по принципу «или-или» (ибо ни о какой третьей реальности в данном отношении недопустимо мыслить), необходимо выяснить, как отвечает на него В. В. Орлов. К сожалению, на этот решающий вопрос мы нигде не находим у В. В. Орлова прямого ответа. Но так как этот вопрос невозможно обойти совершенно и он подспудно все равно решается на каждом шагу, мы не теряем надежды получить на него от В. В. Орлова определенный ответ.

Обратимся с этой целью к тем его высказываниям, которые характеризуют идеальное (психическое) как «реальный мозговой процесс». Мы снимаем с себя ответственность за то, что нам придется привести множество цитат, ибо не остается другого пути для получения искомого ответа.

Итак, приступим к делу: «Общая природа психического (идеального) проявляется в его основных отношениях к материи» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 155). «Идеальность психического означает, что психическое не является самостоятельной субстанцией...» Психические образы «лишены вещественности и конкретно-чувственной осязаемости, т. е. являются *бесплотными и бестелесными*» (там же, — Курс. мой. — Д. Д.). «Объективное содержание психики не существует в чистом виде, оно всегда выражается в субъективной форме» (там же, стр. 197). «Этой формой выражения объективного содержания становится *субъективное или идеальное*» (там же, стр. 199. Курс. мой. — Д. Д.).

Поскольку физиологические нервные процессы представляют объективную реальность, важно проследить, как сопоставляются с ними психические явления. В этой связи подчеркивается, что «одно из коренных отличий психического от физиологического (нервного) состоит в том, что психика суть идеальный, субъективный образ объективного мира...» (там же, стр. 209).

Кажется, все ясно. Психическое (идеальное), по мнению В. В. Орлова, есть субъективная реальность, поэтому и недопустимо называть психическое материальным. Тем более, что он решительно критикует тезис о материальности психического и весьма уместно приводит следующее высказывание В. И. Ленина: «Что и мысль и материя «действительны», т. е. существуют, это верно. Но назвать мысль материальной — значит сделать ошибочный шаг к смешению материализма с идеализмом» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 257). А из этого высказывания В. И. Ленина совершенно очевидно, что мысль (психическое) рассматривается как реальность, но не объективная, а субъективная реальность, ибо в противном случае мысль следовало бы назвать материальной. Можно считать, что мы получили от В. В. Орлова недвусмысленный ответ.

Но вот мы продолжаем дальше читать его книгу и столь ясный ответ начинает блекнуть и, наконец, полностью меняет свой знак на противоположный, а идеальное (психическое), быв-

шее, как мы видели, «бесплотным и бестелесным», постепенно обретает плоть и кровь. Это начинается с того момента, когда В. В. Орлов переходит от общих философских рассуждений к конкретному описанию психического и выяснению его соотношений с физиологическим.

Приведем некоторые доказательства: «Подлинно научное признание реального существования психики возможно только тогда, когда оно рассматривается как относительно самостоятельная, качественно определенная, высшая деятельность мозга, тесно связанная с низшей, физиологической деятельностью мозга, *но не менее реальная, чем последняя*» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 422. Курс. мой.— Д. Д.). Не менее реальная, чем физиологическая деятельность, значит в данном контексте не что иное, как объективно реальная. Это не оговорка, так как еще раньше В. В. Орлов не раз подчеркивает, что «образование элементов психических явлений происходит в результате дифференциации и интеграции элементов физиологической деятельности» (там же, стр. 355), что «на достаточно высоком уровне своего развития физиологические условнорефлекторные связи объединяются в образования, которые уже имеют не условнорефлекторную, а более высокую, психологическую природу» (там же, стр. 357). Он отмечает «тот неоспоримый факт, что психика возникает на основе интеграции рефлексов (условных и безусловных)» (там же, стр. 363), и высказывает предположение, «что «условные рефлексы на слово» вообще не являются рефлексами, а представляют собой более сложные функциональные объединения условных рефлексов, имеющие не физиологическую, а психологическую синтетическую природу» (там же, стр. 293). Перечень подобных высказываний, из которых явствует, что психическое (идеальное) теперь уже квалифицируется как объективная реальность, можно было бы продолжить. Но, по-видимому, достаточно, ибо видно, что В. В. Орлов вплотную подходит к представлениям А. Н. Леонтьева (1959), рассматривающего психическое явление как мозговой функциональный орган.

Мы не станем сейчас выяснять, насколько правомерно понятие о психическом как «интеграции рефлексов»; для нас важно подчеркнуть в данном случае то, что В. В. Орлов проявил очевидную непоследовательность, что в конечном итоге он приходит (в порядке, так сказать, онтологического рассмотрения психики) к тому, *из чего исходит* Н. В. Медведев или Ф. Куклик, а именно — к материальности психического, т. е. к тезису, против которого он так ожесточенно ополчался.

Здесь уже различия между В. В. Орловым и Н. В. Медведевым совершенно стираются, приобретают чисто словесный характер. Н. В. Медведев и его единомышленники называют психическое высшей формой движения материи, а физиологическое низшей формой движения материи. В. В. Орлов называет

психическое «высшей деятельностью мозга», а физиологическое «низшей деятельностью мозга». Связь между психическим и физиологическим, говорит В. В. Орлов, «относится к тому же типу связей, что и соотношение социального и биологического, биологического и химического и т. д.» (В. В. Орлов, 1966а, стр. 111). А Н. В. Медведев говорит: «Отношение между психическим и физиологическим такое же, как между любыми другими низшими и высшими формами движения» (Н. В. Медведев, 1960, стр. 116—118). Разве это не похоже друг на друга, как две капли воды? Разве авторы не вправе поменяться местами? Может ли быть критика В. В. Орловым концепции Н. В. Медведева эффективной, если их теоретические позиции сходятся в главном и методологические рекомендации оказываются тождественными (это можно было бы подтвердить еще многими другими цитатами и сопоставлениями). Логическая непоследовательность В. В. Орлова налицо, и это позволяет сделать вывод, что ведущий тезис его концепции «психика есть духовная, идеальная деятельность материального мозга» не получает у него достаточного обоснования и почти с равным успехом может быть заменен тезисом: «психика есть материальная деятельность материального мозга».

Посмотрим же, как обстоит дело с другим основным тезисом концепции В. В. Орлова: «соотношение психического и физиологического — это отношение высшего и низшего, простого и сложного» (логически связанным с первым тезисом). Как уже отмечалось, В. В. Орлов специально обсуждает в общем виде проблему соотношения высшего и низшего почти во всех работах (в книге «Психофизиологическая проблема» этому посвящается большая глава «О логике соотношения высших и низших ступеней развития материи», представляющая сама по себе определенный интерес); по его мысли, это должно служить теоретической основой для решения вопроса о соотношении физиологического и психического. Однако, на наш взгляд, подобная разработка общефилософского вопроса об отношениях высшего и низшего оказывается крайне слабо связанной с проблемой соотношения физиологического и психического, зачастую даже чисто внешне приуроченной к ней. Это происходит потому, что В. В. Орлов не дает убедительных доказательств того, что психическое — это высшее, а физиологическое — низшее. Он склонен постулировать указанные определения; та же весьма бедная и распыленная аргументация, которая приводится в пользу положения о физиологическом как низшем уровне мозговой деятельности (по сравнению с психическим уровнем), не может быть признана логически непротиворечивой и основательной. Рассмотрим эту аргументацию.

«Диалектико-материалистическая концепция соотношения высших и низших ступеней развития,— пишет В. В. Орлов,—

должна быть распространена и на соотношение психического и физиологического.

Для такого переноса имеются как специальные, так и общетеоретические основания. Прежде всего, психика и физиологические процессы являются двумя *различными ступенями развития функций* живого организма, которые связаны с различными ступенями эволюции живой материи. Раздражимость (т. е. физиологическое) предшествует возникновению психики, которая появляется как средство более высокого приспособления организма к среде» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 288. Курс. мой.— Д. Д.). Таков первый аргумент, призванный оттенить физиологическое в качестве низшего, так сказать, в генетическом плане. Однако, несмотря на распространенность этого аргумента, его весомость близка к нулю, особенно в тех целях, которые преследует В. В. Орлов.

Во-первых, в современной науке вопрос о границе возникновения психики остается открытым. По словам А. Н. Леонтьева, «проблема возникновения психики до сих пор не может считаться решенной, даже в ее самой общей форме» (А. Н. Леонтьев, 1959, стр. 11). Гипотеза, приписывающая наличие зачатков психики простейшим организмам, пока еще не опровергнута (а постольку у нас нет достаточных оснований для того, чтобы отрицать наличие зачатков психики и у растений). Это не означает, что мы разделяем указанную гипотезу. Но мы считаем в высшей степени принципиальным подчеркнуть, что в данном вопросе наука не дает определенного ответа и что натурфилософские построения, создающие видимость знания там, где его нет, имеют весьма сомнительную ценность и уж ни в коем случае не могут фигурировать в качестве решающего аргумента.

Можно привести немало авторитетных свидетельств в пользу возникновения простейших форм психической деятельности («чувствительности» — по терминологии, употребляемой В. В. Орловым) уже на той ступени эволюции, когда еще полностью отсутствует нервная система. Подобную точку зрения высказывал Ф. Энгельс на основе обобщения данных современного ему естествознания. Ф. Энгельс подчеркивал: «продуктом свободного творчества и воображения г. Дюринга является его утверждение, будто ощущение физиологически связано с существованием какого-либо, хотя бы и очень простого, нервного аппарата. Не только все простейшие животные, но еще и зоофиты — по крайней мере, подавляющее большинство их — не обнаруживают никаких следов нервного аппарата. Только начиная с червей впервые, как правило, встречается нервный аппарат, и г-н Дюринг первый выступает с утверждением, что названные выше животные организмы лишены ощущения, так как не имеют нервов. Ощущение связано необходимым образом не с нер-

вами, но, конечно, с некоторыми, до сих пор не установленными более точно, белковыми телами» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 81).

Позицию Ф. Энгельса разделяют многие естествоиспытатели и философы нашего времени, в частности, Б. Г. Ананьев, указавший ряд оснований для предположения, что чувствительность «возникает ранее образования специальных нервных аппаратов отражения» (Б. Г. Ананьев, 1962, стр. 29). Это высказывание Б. Г. Ананьева, кстати, одобрительно цитируется В. В. Орловым (В. В. Орлов, 1966б, стр. 301).

Далее. Проводимое всюду В. В. Орловым отождествление понятия физиологического в его общем смысле с понятием раздражимости вызывает серьезные возражения, так как затемняет вопрос о сущности физиологической деятельности вообще и ее различных форм и призвано создать видимость полной ясности того, что физиологическое — это низшее. Заметим, что В. В. Орлов *нигде*, ни в одной из своих многочисленных работ не дает специального анализа *понятия физиологического* и основанного на тщательном рассмотрении различных видов физиологических явлений определения этого столь важного для его теоретических построений понятия.

Как видим, различие физиологического в качестве низшего, а психического в качестве высшего в генетическом плане, проводимое В. В. Орловым, не может быть признано обоснованным. Рассмотрим теперь его доводы в пользу различения такого же рода, так сказать, в актуальном плане.

Здесь различие проводится по следующей линии: физиологическое это — рефлексы, а психическое — это несравненно более сложные мозговые функциональные образования (в данном случае под психическим мыслится нечто близкое к «мозговому функциональному органу» в том смысле, который придавали этому термину А. А. Ухтомский и А. Н. Леонтьев). Правда, В. В. Орлов несколько уточняет понятие психического по сравнению с А. Н. Леонтьевым, подчеркивающим онтогенетический характер мозгового функционального органа. «Строго говоря, — пишет В. В. Орлов, — органом психической деятельности являются как врожденные, наследственно предопределенные, так и функциональные структуры» (там же, стр. 308). Но это несколько не меняет сути дела, так как сохраняется тот же принцип различения физиологического и психического. Последнее рассматривается как интеграция физиологических элементов. Но условный рефлекс, согласно В. В. Орлову, также представляет собой интеграцию физиологических элементов, только низшего порядка, и таким образом «в результате интеграции физиологических элементов возникают два уровня целостности: физиологический и психический» (там же, стр. 372). Отметим, что В. В. Орлов не дает четкого определения термина

«физиологический элемент» (хотя этот термин несет у него большую теоретическую нагрузку) и тем самым порождает множество неясностей. Но, по-видимому, все-таки под психическим он имеет в виду некую интеграцию условных рефлексов; это называется им высшим уровнем целостности и относится к категории *нефизиологических явлений*, т. е. психических, идеальных явлений.

Для того чтобы отличить эту высшую интеграцию от низшей, физиологической интеграции, В. В. Орлов опять использует понятие идеального, которое, как было показано выше, утратило у него свое специфическое значение и постольку уже не имеет никакой логической силы, т. е. не способно служить критерием различия. Но даже и в том случае, если бы указанное понятие сохранило всюду свое точное значение (как не материальное), то и тогда различие с его помощью психического и физиологического как высшего и низшего было бы несостоятельным, ибо интеграция условных рефлексов, возведенная в любую степень, остается материальным явлением и не может мыслиться как нечто нематериальное. Сказать, что высшая интеграция физиологических явлений есть идеальное, а низшая интеграция физиологических явлений (условный рефлекс) есть неидеальное, т. е. материальное, значит ничего не сказать.

Для того, чтобы логически последовательно провести качественное различие между физиологическим (низшим уровнем интеграции) и психическим (высшим уровнем интеграции), нужно указать точные критерии уровня интеграции. Когда же для этой цели используют категорию идеального, то получают типичную тавтологию: психическое (идеальное) качественно отличается от физиологического, поскольку является высшим уровнем интеграции, а высший уровень интеграции отличается качественно от низшего уровня интеграции (физиологического) тем, что является идеальным. По такому логическому кругу и движется в основном мысль В. В. Орлова, покидая его время от времени лишь в те моменты, когда теоретическая неопределенность усиливается настолько, что вместо круга образуется некая диффузная среда. В итоге главный вопрос об отношении идеальных явлений к деятельности мозга остается необъясненным.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что выведение качественного отличия психического от физиологического из тезиса о психическом как высоком уровне (пусть наивысшем уровне, сколь угодно высоком уровне!) интеграции рефлексов или «физиологических элементов» не может быть признано логически оправданным. Гораздо естественнее рассматривать любую интеграцию рефлексов или «физиологических элементов» в качестве сложных физиологических явлений; но тогда В. В. Орлову пришлось бы отождествить понятие психического с понятием

высшей или наивысшей (вспомним Ф. Куклика) нервной деятельности. На это, однако, В. В. Орлов категорически не согласен, хотя элементарные требования логики обязывают считать, что всякая нервная деятельность есть физиологическое явление и что никакая нервная деятельность (поскольку она представляет собой материальный процесс) не может отождествляться с идеальными явлениями. Поэтому у В. В. Орлова качественное разграничение психического и физиологического по принципу высшего и низшего логически неубедительно, выглядит чисто словесным, а не теоретически обоснованным.

В отличие от В. В. Орлова, болгарский философ Г. Векилов, точка зрения которого, как уже отмечалось, в основных пунктах совпадает с концепцией В. В. Орлова, проявляет бóльшую последовательность и постольку более ясно обнаруживает ее логические слабости. «Когда физиологические процессы,— пишет Г. Векилов,— включаются в единое сложное целое, в единую сложную систему, то, оставаясь физиологическими процессами, они переходят границу своей собственной природы. Они становятся психическими процессами. С другой стороны, психическое не может быть чем-либо иным, как сложным комплексом физиологических мозговых процессов. Качественное отличие, специфика психического определяется специфическим и сложным взаимодействием физиологических мозговых процессов» (Г. Векилов, 1965а, стр. 69) ⁷.

Таким образом, Г. Векилов вполне ясно делает заключение о том, что психическое есть сложный комплекс физиологических мозговых явлений, тем самым переходя на позиции Н. В. Медведева. Что касается В. В. Орлова, то он не может быть в такой же степени откровенным, поскольку множество раз брал на себя обязательства следующего рода: «мы не отождествляем психику как духовное явление с ее носителем и творцом — материей» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 289). Поэтому он даже предпринимает попытки критики утверждений, подобных приведенному тезису Г. Векилова, хотя для этого у него нет никаких оснований.

Выступая против рассмотрения психики как системы условных рефлексов, В. В. Орлов аргументирует следующим образом: «Создание сложных систем условных рефлексов приводит к возникновению двух уровней целостности и соответственно двух качественно различных уровней явлений. Будучи объединением условных рефлексов, т. е. физиологических элементов, система условных рефлексов остается в пределах физиологического класса явлений. Однако на основе систем условных

⁷ Ряд логических противоречий во взглядах Г. Векилова на психофизиологическую проблему был отмечен и подвергнут критике болгарскими философами (см. А. Кътов, М. Кръстев, 1966).

рефлексов возникает психическая деятельность, которая принципиально отличается от более простой, физиологической, т. е. высшей нервной деятельности» (там же, стр. 415—416).

Итак, система условных рефлексов — это все-таки физиологическое явление, а интеграция систем условных рефлексов — это уже психическое, которое «принципиально отличается от более простой, т. е. высшей *нервной* деятельности». Учитывая, что В. В. Орлов неоднократно подчеркивает, что физиологическое — это нервное, а психическое — это не нервное и постольку высшее (см. там же, стр. 208, 338 и др.), напрашивается вопрос: чем же является интеграция систем условных рефлексов? Если она — нервное явление, то тогда, согласно определению В. В. Орлова, она представляет собой физиологическое явление; если же она не есть нервное явление, то в таком случае эта интеграция систем условных рефлексов должна быть духовным образованием, в котором отдельные системы рефлексов являются объектами синтезирующей деятельности духовной субстанции в смысле Шеррингтона или Экклза. Поскольку В. В. Орлов отвергает и то и другое следствие, предлагаемое им основание различия психического и физиологического как низшего и высшего не может быть принято всерьез.

На основе тезиса о психическом и физиологическом как высшем и низшем нельзя получить удовлетворительного объяснения специфики идеального — этого важнейшего признака психических явлений, нельзя увязать его с деятельностью головного мозга, которая во всех своих основных отношениях является, конечно, нервной деятельностью, т. е. функционированием нейронов, объединенных в различного типа системы и подсистемы. Отмеченные логические противоречия в рассуждениях В. В. Орлова свидетельствуют о том, что принцип высшего и низшего не может служить в качестве теоретического фундамента разработки психофизиологической проблемы⁸.

Общепринято считать любой уровень мозговой нейродинамики физиологической деятельностью. В то же время, разумеется, можно говорить о высших и низших уровнях мозговой нейродинамики; но при этом вряд ли имеет смысл обозначать первый из них при помощи термина «психическое». Ведь понятие психического неправомерно отождествлять с понятием физиологического. Одно из двух: либо психическое есть высший уровень физиологического и тогда психическое теряет свою специфику, отождествляется с высшей нервной деятельностью (или наивысшей нервной деятельностью — это в данном случае не имеет принципиального значения), либо психическое — это какой-то особый, выходящий за пределы понятия нейродинамики,

⁸ Против истолкования соотношения психического и физиологического как высшего и низшего справедливо выступает болгарский философ Д. Д. Василев (1963).

уровень деятельности мозга. Но такого «уровня» наука не знает. Те высшие уровни деятельности мозга, которые В. В. Орлов характеризует в качестве психической деятельности, являются не чем иным, как высшими уровнями нейродинамики, т. е. физиологической деятельности. И, таким образом, попытка различения психического и физиологического при помощи категорий высшего и низшего явно не достигает цели, ведет к смешению понятий физиологического и психического, к изъятию из понятия психического признаков субъективности и идеальности, а тем самым к ликвидации психофизиологической проблемы.

Поскольку различение психического и физиологического по принципу высшего и низшего оказывается у В. В. Орлова необоснованным, естественно теряет смысл его «формула связи» психики и мозга как связи одного уровня сложности, ибо совершенно непонятно, какое содержание вкладывается в понятие мозга помимо морфологически определенного субстрата и разыгрывающихся в нем нейродинамических процессов.

Что касается того, что В. В. Орлов акцентирует внимание на регулирующей и управляющей функции психики, то этот сам по себе правильный тезис вовсе не требует для своего обоснования обязательного принятия положения о психическом как высшем в сравнении с физиологическим; скорее всего указанное положение, постулируемое в качестве исходного принципа, затрудняет объяснение особенностей психических явлений со стороны их управляющей функции, порождая множество логических неувязок; к тому же оно способствует созданию видимости объяснения там, где его еще нет. Приведем лишь один пример. Говоря о том, что психический образ выступает в роли регулятора двигательных актов, В. В. Орлов подчеркивает: «Идеальный образ контура вещи, переходя в траекторию движения, *определяет последовательность* физиологических процессов» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 340).

Но что это значит: идеальное переходит в траекторию движения и задает последовательность физиологических изменений? Как может идеальное, не будучи нервным процессом, управлять нервными процессами? Оно может, говорит В. В. Орлов, так как является высшим по сравнению с физиологическими процессами, а высшее всегда управляет низшим, подчиняет себе низшее — на том все и стоит. Такова суть ответа, проступающая сквозь все пространные рассуждения и используемый научный аппарат. Однако вряд ли это способно кого-либо удовлетворить⁹. Ведь мы на каждом шагу видим, что психический образ направляет и корректирует наши действия.

⁹ То обстоятельство, что концепция В. В. Орлова совершенно не раскрывает способа влияния психического на физиологическое, подчеркивают Ф. И. Георгиев и О. Ф. Фролова (1967).

Но как выразить зависимость между идеальным образом и действием, как совместить и связать логически непротиворечиво психологическое описание управляющей функции образа с нейрофизиологическим описанием той же по существу деятельности головного мозга, посредством которой программируется и осуществляется данная система двигательных актов? Вот в чем вопрос. И если нам предлагают *концепцию* соотношения физиологического и психического, то мы вправе требовать, чтобы ответ на этот вопрос, пусть в абстрактном виде, был дан логически непротиворечиво. К сожалению, рассмотренная концепция не удовлетворяет указанному требованию.

При всем этом В. В. Орлов отдает себе отчет, что разработка психофизиологической проблемы предполагает прежде всего логический анализ, без которого невозможны теоретические построения. «Связь психического с физиологическим,— пишет он,— это не только теоретическая, но и логическая проблема». И далее: «вопрос не о том, существует ли такая связь, а о том, как выразить ее в логике понятий» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 423).

Однако именно с «логикой понятий», как было показано выше, в концепции В. В. Орлова дело обстоит далеко не благополучно, что и заставило нас подвергнуть ее столь подробному критическому рассмотрению. Это было вызвано еще и тем, что она занимает промежуточное положение между двумя противоположными концепциями, а потому отличается наибольшей непоследовательностью. Конечно, в работах В. В. Орлова содержится немало правильных мыслей; в них заслуженно подвергается критике рефлекторное объяснение психики, приведен обширный материал, касающийся взглядов многих философов и естествоиспытателей на психофизиологическую проблему. Но главная теоретическая задача, связанная с логически непротиворечивым объяснением отношения психических явлений (с их признаками субъективности и идеальности) к физиологическим изменениям в головном мозгу, оказалась в концепции В. В. Орлова весьма далекой от убедительного разрешения.

Рассмотрим, наконец, третью концепцию соотношения психического и физиологического, представленную в марксистской литературе. Существенное отличие этой концепции от двух предыдущих заключается прежде всего в том, что ее представители решительно отрицают как тезис о материальности психического, так и принцип соотношения физиологического и психического как низшего и высшего. Главный тезис этой концепции состоит в том, что психическое, идеальное, определяется как *свойство* некоторого класса физиологических процессов, протекающих в головном мозгу. Указанный тезис в качестве наибо-

лее общего принципа соотношения психического и физиологического обосновывается в той или иной мере в работах многих философов и ряда физиологов и психологов (Е. В. Шорохова, 1961; Н. П. Антонов, 1964, 1965; Ф. И. Георгиев, 1959, 1964; Н. А. Хромов, 1960; В. И. Мальцев, 1964; Л. О. Резников, 1960; Д. Д. Василев, 1963; В. А. Смирнов, 1958; Э. З. Флизов, 1965; Р. С. Златин, 1963, и др.).

Разумеется, перечисленные авторы далеко не однозначно интерпретируют исходный тезис о психическом как свойстве определенных физиологических изменений в головном мозгу; однако все они сходятся в том, что психическое не является некой надстройкой над мозговой нейродинамикой, а воплощено в физиологической деятельности мозга, но в то же время оно не должно квалифицироваться в качестве материального процесса. При этом нередко термин «свойство» физиологического процесса употребляется наряду с терминами «сторона», «проявление», «функция» физиологического процесса, что существенно не меняет значения указанного исходного тезиса.

«Психическое,— пишет Е. В. Шорохова,— является проявлением физиологического, его свойством идеально отражать объективную действительность» (Е. В. Шорохова, 1961, стр. 157). Согласно Н. П. Антонову, «Психическое есть свойство физиологического — высшей нервной деятельности, свойство, проявляющееся в субъективном идеальном отражении объективного материального мира» (Н. П. Антонов, 1964, стр. 384). По мнению В. И. Мальцева, психическое явление и, в частности, ощущение «представляет собой некоторое субъективное состояние, возникающее на основе материальных физиологических процессов, происходящих в нервной системе человека. Это внутреннее состояние не может быть отделено от мозга, от нейрофизиологических процессов; оно есть субъективная сторона объективных процессов, происходящих в мозгу» (В. И. Мальцев, 1964, стр. 117).

Эта концепция представляется нам более последовательной и перспективной в сравнении с двумя предыдущими, так как она сохраняет и подчеркивает такие признаки психического, как идеальное и субъективное, и в то же время способна обеспечить логически непротиворечивое обоснование специфики психических явлений с учетом их неразрывной связи с мозговой нейродинамикой, т. е. физиологическими процессами определенного рода. Приняв в качестве исходного пункта тезис о психическом как свойстве некоторого класса нейрофизиологических изменений в головном мозгу, мы получаем возможность сравнительно легко избежать те логические трудности соотношения психического и физиологического с материальным и идеальным, которые оказались непреодолимыми для В. В. Орлова. В равной мере указанный исходный пункт позволяет держаться все время

на почтительном расстоянии от того упрощенческого образа мышления, который то и дело склонен отождествлять понятия физиологического и психического и не видит иного способа соблюдения материалистического монизма кроме как путем обязательного зачисления психических явлений в разряд материальных.

В самом деле, если психическое есть свойство мозговых процессов (а не сами мозговые процессы и не надстройка над ними), то тогда нет надобности квалифицировать идеальное как некое объективно существующее явление и логически правомерно определять идеальное в качестве субъективной реальности. Вместе с тем отпадает и необходимость вводить такую в высшей степени искусственную в логическом отношении и чуждую принципам диалектического материализма установку, как два аспекта рассмотрения психического — онтологический и гносеологический.

Понимание психического как свойства или стороны определенного рода физиологических процессов допустимо интерпретировать в том смысле, что психическое есть субъективное проявление определенных нейродинамических состояний головного мозга; иными словами, любое психическое состояние — ощущение, мысль, эмоциональное переживание и т. п. — может рассматриваться с этой точки зрения как субъективное выражение (обнаружение, проявление для личности) соответственных мозговых нейродинамических комплексов. Указанный подход к пониманию психического как раз и создает ту плоскость исследования отражательно-моделирующей и управляющей деятельности головного мозга, которая составляет ведущий аспект психофизиологической проблемы, т. е. исследования, например, отношения предметного содержания психического образа к нейродинамическим состояниям, проявляющимся в виде данного субъективного образа. Возникает задача расшифровки нейродинамических эквивалентов психических явлений, нейрофизиологической интерпретации субъективных феноменов, образующих так называемый внутренний мир личности.

Излагаемая концепция соотношения психического и физиологического по вполне понятным причинам подвергается критике со стороны тех авторов, которые отстаивают тезис о материальности психики или исходят из формулы о физиологическом и психическом как низшем и высшем. Рассмотрим наиболее типичные аргументы, выставляемые обычно против положения о психическом как свойстве физиологических мозговых процессов определенного рода.

Предоставим первое слово В. В. Орлову как наиболее страстному противнику этой концепции: «Рассмотрение человеческой психики в качестве проявления, продукта, функции, свойства биологической по своей природе физиологической дея-

тельности представляет собой чудовищную с точки зрения марксизма мысль о подчиненности социального биологическому, в конечном счете — тождественности социального и биологического» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 436).

К счастью, сильный эпитет не равнозначен сильному аргументу. Прямолинейное приложение категорий биологического и социального к деятельности человеческого мозга представляет для самого В. В. Орлова серьезную опасность. Ведь он десятки раз повторяет в своей книге прописную истину, что психика — функция мозга или, как он любит говорить, «духовная функция» «материального мозга» (там же) или: «мозг и психика — это орган и его функция, которые обладают *одинаковой степенью сложности*» (там же, стр. 428). Спрашивается: головной мозг человека с протекающими в нем объективными процессами — социальное явление или биологическое? По-видимому, В. В. Орлов считает мозг социальным явлением. Но те нейрофизиологические явления, без которых нет мозга в точном смысле слова, которые ответственны за психические явления, называются им биологическими явлениями.

Следующий аргумент против защищаемой нами концепции выдвигается Н. В. Медведевым и его единомышленниками. Формулируется он следующим образом: «Что такое психический процесс сам по себе взятый? Если он самостоятельно не существует, а оказывается лишь стороной физиологического процесса в мозгу, то, как уже сказано, сознание утопает в физиологическом, если не отождествляется с ним, что несостоятельно» (Н. В. Медведев, 1964а, стр. 350). Но в то же время психический процесс нельзя отрывать от мозга: «Если же, осуществляя отражательный психический процесс, мозг реально и специфически работает, функционирует и в нем происходят характерные для процесса отражения изменения и, разумеется, материальные изменения, то где основания называть этот мозговой процесс идеальным по его природе?» (там же).

Как видим, приведенный аргумент основан на отрицании категории идеального и воспроизводит уже рассмотренные выше определения психического как высшего, а физиологического как низшего¹⁰. Что касается вопроса Н. В. Медведева о психическом как «самом по себе взятом» и его «самостоятельном» существовании, то здесь отчетливо выступает все тот же наивный онтологизм, пренебрегающий анализом понятий и потому наделяющий их своеобразным фетишизмом. Ведь психическое «взятое само по себе» есть абстракция, выработанная теоретическим мышлением и используемая для обозначения определенной стороны деятельности головного мозга, и в этом смыс-

¹⁰ Заметим, что Н. В. Медведев, как и В. В. Орлов, стремится отождествить понятия физиологического и раздражимости (см. Н. В. Медведев, 1964а, стр. 342—343, 347).

ле психическое «самостоятельно» не существует (как не существуют «самостоятельно», «сами по себе» движения, время, свойство, возбуждение и торможение, нервный импульс, семнадцатое поле коры мозга, кора головного мозга, мозг и т. д. и т. п.; в том смысле, который имеет в виду Н. В. Медведев, ничто не существует «самостоятельно» и «само по себе»). Точно так же говорить, что тезис «психическое есть свойство, сторона нейродинамических (физиологических) мозговых процессов» означает якобы отождествление физиологического и психического, значит опять-таки демонстрировать наивный онтологизм и пренебрегать элементарными логическими правилами соотношения понятий. Удивительно только, что автор не замечает того, что его образ рассуждений сразу же оборачивается против него самого. Когда мы утверждаем, что психическое есть свойство некоторых физиологических процессов, Н. В. Медведев заявляет, что у нас психическое «утопает» в физиологическом. Но вот сам Н. В. Медведев множество раз утверждает, что движение есть свойство материи, и у него почему-то движение не «утопает» в материи («это вовсе не означает тождества движения и материи» (Н. В. Медведев, 1964а, стр. 347). На разные лады Н. В. Медведев многократно повторяет в своих работах: «мы должны признать отражательный, психический процесс своеобразной формой движения мозга» (там же, стр. 351. Курс. мой.— Д. Д.)¹¹; но у него каким-то образом «психический процесс» все-таки не «утопает» в мозгу (психический процесс и мозг не считаются отождествленными). К тому же Н. В. Медведев десятки раз цитирует те высказывания В. И. Ленина, в которых психическое квалифицируется как функция мозга, внутреннее состояние материи (см. там же, стр. 345, 346 и др.)¹², говорит о том, что всем вещам присуще «свойство отражения» (там же, стр. 341. Курс. мой.— Д. Д.), а психику всюду рассматривает как специфическую форму отражения и при всем этом у него психическое нигде не «утопает» в том, свойством чего оно выступает; а у нас оно всюду «утопает».

Таким образом, упреки Н. В. Медведева в том, что рассматриваемая концепция отождествляет психическое и физиологическое, неосновательны, а в равной мере беспочвенны обвинения в отрицании качественной специфики психического по сравнению с физиологическим.

Остается, наконец, еще один, на этот раз действительно серьезный аргумент, выдвигаемый и с позиций Н. В. Медведева и с позиций В. В. Орлова против тезиса: психическое есть свой-

¹¹ Определение психики как «формы движения мозга» является весьма двусмысленным.

¹² При этом автор не приводит только высказывание В. И. Ленина о том, что с точки зрения материализма «ощущение признается одним из свойств движущейся материи» (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 41).

ство некоторых мозговых нейрофизиологических процессов. Суть его заключается в следующем: признание психики свойством некоторых физиологических процессов делает невозможным объяснение ее управляющей роли, которая очевидна. «Если психический процесс не есть движение мозга, а лишь «нематериальное свойство материи», то спрашивается, как оно может регулировать материальные процессы возбуждения и торможения, импульсируя ими исполнительные органы тела, из действий которых складывается практическая деятельность людей?» (Н. В. Медведев, 1964а, стр. 351). Таков «роковой» вопрос Н. В. Медведева, уничтожающего идеальное, так сказать, на корню. С точки зрения В. В. Орлова, который, по крайней мере формально, всюду стремится сохранить категорию идеального, характеристика психического как свойства некоторых физиологических процессов означает отрицание активности психики и приводит к выводу, что она является не более чем «эпифеноменом физиологических процессов» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 421).

Попытаемся ответить вначале Н. В. Медведеву. Действительно, невозможно материалистически объяснить, как идеальное, т. е. нематериальное, способно регулировать материальные процессы возбуждения и торможения, но только в том случае, если идеальное мыслится как нечто существующее «самостоятельно», «само по себе». Однако истинный материалист не может так мыслить идеальное, поскольку оно является субъективной реальностью. Идеальное есть именно свойство нейродинамических мозговых процессов определенного рода, оно необходимо воплощено в них и выступает в качестве реальности лишь для субъекта, есть в этом смысле их субъективное проявление. Идеальное есть непосредственно данная субъекту информация о внешнем мире и себе самом, в то время как носитель этой информации — определенные мозговые нейродинамические структуры — элиминированы для субъекта, скрыты от него. Идеальное (психическое) есть именно свойство определенных мозговых нейродинамических структур (физиологического), а не сами эти структуры, подобно тому, как информация есть свойство сигнала, а не сам сигнал. Нужно признать, что кибернетика вносит существенные коррективы в образ нашего мышления; она четко выделила категорию информационных процессов — в отличие от чисто энергетических процессов — и тем самым дала адекватные средства для точного описания поведения сложных систем; она положила конец в сущности своей механистическим попыткам объяснения поведения сложных систем в чисто энергетических терминах (которые, кстати, всегда оказывались безрезультатными) и дала, в частности, теоретические средства для последовательного проведения принципа причинности в объяснении управляющей роли психики.

Идеальное управляет материальными процессами в том смысле, в каком управляет информация вообще. Высказывание «информация управляет» является в ряде отношений более точным, чем высказывание «сигнал управляет», поскольку одна и та же информация может быть воплощена в разных по своей физической природе и организации материальных носителях, т. е. сигналах; информация инвариантна по отношению к форме сигнала. Это обстоятельство принуждает не отождествлять понятия информации и сигнала (хотя информация всегда необходимо воплощена в сигнал, а сигнал всегда есть носитель информации), а в равной мере и не отождествлять идеальное (психическое явление) с той нейродинамической мозговой системой, которая является его носителем. И поэтому утверждение «идеальное управляет материальными процессами» имеет смысл, недоступный, однако, с позиций наивного онтологизма, но полностью соответствующий диалектико-материалистическим принципам. Более подробный анализ и обоснование приведенной точки зрения будут даны нами в ходе дальнейшего изложения.

Ограничиваясь пока сказанным, мы хотим еще кратко остановиться на обвинениях в эпифеноменализме, поскольку они стали общим местом в нашей литературе и приобрели видимость неоспоримого аргумента. Поэтому здесь будет уместно дать одну небольшую историческую справку.

Термин «эпифеномен» был введен на рубеже прошлого и нынешнего веков крупным психологом Г. Мюнстербергом (Münsterberg, 1900) для обозначения такого рода феноменологических истолкований психических явлений, при которых последние превращались в бесполезный и чисто внешний придаток мозговых нейрофизиологических процессов. Попытки материалистически настроенных психологов того времени включить психические явления в естественную причинную цепь событий были, как уже об этом говорилось (в § 2), в теоретическом отношении неудовлетворительны и порождали серьезные логические противоречия. Однако без решения этой задачи психолог-экспериментатор, мыслящий естественнонаучными понятиями, не мог чувствовать себя достаточно уверенно, и если он не в состоянии был решить ее в общем теоретическом виде, он полагал ее решенной, действуя эмпирически, т. е. он оставлял в стороне эти теоретические проблемы, попросту обходил их и, руководствуясь так называемым здравым смыслом, соображениями «полезности», стремился решать выдвигаемые жизнью практические вопросы (подобная ситуация характерна для многих научных дисциплин, имеющих преимущественно прикладной характер; мы можем и сейчас наблюдать ее, например, в клинической медицине; ибо практика не ждет, пока будет окончательно сформулирована теория). Для такого рода психоло-

гов, тяготеющих к решению практических вопросов (к их числу вполне может быть отнесен Г. Мюнстерберг), психические явления были, конечно, не бесплотными теньями, но реально *действующими*, порождающими следствия, вызывающими определенные, изучаемые ими, изменения в организме человека или в коллективе личностей; а потому они отвергали не только картезианскую метафизику духа и тела, но не удовлетворялись и чисто феноменологическим сопоставлением психических явлений с мозговыми процессами, выступавшим в форме так называемого эмпирического параллелизма с его действительным бессилием в объяснении активной роли психических явлений. Именно по адресу сторонников эмпирического параллелизма Г. Мюнстерберг говорил, что они превращают психическое в эпифеномен, т. е. в некоего дублера, с устранением которого ничего не изменяется; выступая на правах эпифеномена, психические явления, конечно, неспособны действовать, производить следствия и, таким образом, выпадают из причинной цепи.

С тех пор не только материалистически настроенные психологи, довольствующиеся чисто интуитивной уверенностью в реальности психики, но и откровенные идеалисты типа Г. Челпанова охотно пускали в ход термин «эпифеномен» и зачисляли в рязряд эпифеноменалистов всех тех теоретиков, которые квалифицируют психические явления в качестве субъективных (т. е. отрицают психическое в качестве объективной реальности) и стремятся дать этой субъективной реальности нейродинамическую интерпретацию, или, другими словами, пытаются разрабатывать ту фундаментальную проблему, которую обошел Г. Мюнстерберг и от которой до сих пор отмахиваются психологи бихевиористского склада. Вслед за последними иллюзию полной ясности в этом вопросе охотно поддерживают те физиологи, для которых психическое это и есть высшая нервная деятельность, а высшая нервная деятельность это и есть психическое.

Однако тот способ, при помощи которого психическое включалось в естественную причинную цепь событий Ламетри и Кабанисом в XVIII в., а вслед за ними — Карлом Фогтом в XIX в., а вслед за ним и его многочисленными единомышленниками — В. М. Архиповым, Н. В. Медведевым и другими в XX в., совершенно неудовлетворителен как с точки зрения диалектического материализма, так и с точки зрения современного естествознания. В равной мере совершенно неудовлетворителен и тот способ включения психических явлений в естественную причинную цепь, который, отмежевываясь от идеализма и всякой «метафизики» вообще, ограничивается постулированием психических явлений в качестве некоторой реальности, способной производить следствия в нашем теле и мире вещей; но какова природа этой реальности и в каком отношении она стоит к объективной реальности мозговых нейродинамических про-

цессов — на эти столь острые для современной науки вопросы мы не получим у представителей указанного образа мышления сколько-нибудь вразумительного ответа; но зато у них легко можно получить бирку «эпифеноменалист», если вы станете утверждать, что психическое есть свойство мозговых нейродинамических процессов и может быть охарактеризовано как субъективное проявление последних.

То, что было приемлемо и даже весьма прогрессивно для материалистически настроенного естествоиспытателя XVIII или XIX в., в наше время становится нередко печальным анахронизмом. Энергичное и вместе с тем слабо осмысленное использование некоторых терминов, пущенных в оборот многие десятилетия тому назад в связи с конкретными обстоятельствами тогдашнего соперничества различных направлений психологической науки, иногда затемняет существо современных проблем и способно порождать недоразумения или даже «работать» на пользу консервативных тенденций.

Посмотрим теперь более пристально на существо упреков в эпифеноменализме со стороны В. В. Орлова и взгляды тех авторов, кому они адресовались. Возьмем даже, если так можно выразиться, самый крайний случай эпифеноменализма. Пусть я утверждаю, что психическое есть не более, чем субъективное проявление мозговых процессов, их субъективная тень, т. е. эпифеномен, — знакомый уже нам бесплотный и пассивный дублер. Наш оппонент говорит: вы превращаете психическое в чистый нуль, отбросьте свой эпифеномен и ничего не изменится. Произведем же предлагаемый нам мысленный эксперимент, попробуем отбросить субъективные явления и посмотрим, что тогда останется и действительно ли ничего не изменится.

Во-первых, мы получим существо, которое ничего не знает о себе, нечто напоминающее человекообразную амёбу, это будет уже совершенно иной тип саморегуляции по сравнению со свойственным общественному индивиду. Ведь субъективные явления, выступая в своей наиболее развитой форме как сознательные явления, человеческие субъективные явления, представляют собой чрезвычайно экономичный, уникальный по своей емкости и динамичности способ *осведомления* саморегулирующейся системы, именуемой человеческой личностью, *о себе и ином* (всякое явление сознания содержит одновременно как сознание себя, так и сознание иного). Это — информация, данная человеческой личности как бы в рафинированном виде, не отягощенная ни вещественностью ее источника, ни вещественностью ее носителя; ибо для того, чтобы эффективно действовать, ставить и достигать цели, нужна именно информация как таковая, а не форма сигнала, которая может быть совершенно безразлична к своему содержанию. Значит, бесплотные тени мозговых процессов, т. е. субъективные явления, т. е. «*эпифеномены*»,

оказываются не такими уж бесполезными и совсем не нулевыми величинами, если не считать только, что их масса и энергия действительно равны нулю. Информация здесь выступает как идеальное. Но поскольку это — информация, то, не располагая ею, наша человекообразная амёба будет вести себя, нужно думать, совсем не так, как человек.

Если в конце прошлого или начале нынешнего века трактовка психического как субъективного проявления мозговых нейродинамических процессов ставила естествоиспытателя в тупик, так как лишала его возможности включить идеальное в причинную цепь материальных процессов, то в наше время положение существенно изменилось, ибо мы располагаем новым уровнем научного познания. Теперь субъективное явление, или «эпифеномен», вполне логически может быть включено в естественную причинную цепь в качестве информации.

Следует сказать, что многие психологи, даже из числа тех, кто не разделяет тезиса о психическом как свойстве определенных мозговых нейродинамических процессов, часто пользуются «эпифеноменалистическими» определениями. Например, Б. М. Теплов считает, что «темперамент есть психологическое проявление типа нервной системы» (Б. М. Теплов, 1960, стр. 10). На наш взгляд, такое определение целиком правомерно. Термин «психологическое проявление» в данном случае употребляется примерно в том же значении, что и термин «субъективное проявление». Казалось бы, что для В. В. Орлова, обвиняющего защищаемую нами концепцию в эпифеноменализме, подобные определения в корне неприемлемы. Однако это, оказывается, не совсем так. Ссылаясь на работы К. М. Гуревича и С. Н. Беляевой-Экземплярской (использующих, подобно Б. М. Теплову, термин «психологическое проявление») и допуская очередную непоследовательность, В. В. Орлов пишет: «Термин «психологические проявления», очевидно, более или менее удачно описывает зависимость психического от физиологического, и поэтому против его применения нельзя возражать» (В. В. Орлов, 1966б, стр. 309). Правда, тут же В. В. Орлов оговаривается, что этот термин имеет ограниченную ценность и ему нельзя придавать «широкое объяснительное значение», иначе психическое станет «пассивным выражением физиологической сущности, т. е. эпифеноменом» (там же, стр. 309). Но что такое широкое или узкое «объяснительное значение», к сожалению, В. В. Орлов не объясняет, а потому остается только недоумевать, имеют ли значение его обвинения в эпифеноменализме.

Итак, мы рассмотрели три основные концепции взаимоотношения психического и физиологического и пришли к выводу о предпочтительности последней из них, исходящей из тезиса о

психическом как свойстве некоторых мозговых нейродинамических процессов, состоящем в способности их субъективного проявления. Следует подчеркнуть, что признание указанного тезиса само по себе еще не обеспечивает логически стройной концепции соотношения физиологического и психического, выступая лишь необходимой предпосылкой для такого построения. В ходе конкретизации и развития этого тезиса нередко между авторами, принимающими его в качестве отправного пункта, возникают серьезные разногласия, связанные с различной интерпретацией физиологических понятий, в особенности таких, как высшая нервная деятельность, рефлекс, временная связь и т. д. Мы разделяем, например, в принципе критические выступления В. В. Орлова против тех авторов, которые считают, что высшая нервная деятельность есть одновременно физиологическое и психическое, что все психические явления укладываются в категорию условного рефлекса; а среди них довольно многие как раз опираются на тезис о психическом как свойстве определенных физиологических процессов.

В то же время следует подчеркнуть, что, хотя всякое абстрактное высказывание допускает различную интерпретацию, у нас имеется достаточно поводов, чтобы считать возможности различных абстрактных высказываний неравноценными. В этом отношении тезис «психическое есть свойство некоторых мозговых нейродинамических процессов (состоящее в способности их субъективного проявления)» представляется нам наиболее приемлемым, так как, во-первых, позволяет сохранить и широко использовать категорию идеального для описания психических явлений и тем самым последовательно согласовать развиваемую на этой основе концепцию соотношения психического и физиологического с принципами диалектического материализма. Во-вторых, указанный тезис позволяет разработать ряд перспективных методологических установок для естественнонаучных исследований, объяснить психические явления посредством категории информации и таким образом включить их в причинную цепь материальных процессов, изучаемую естественнонаучными средствами. Он позволяет уточнить формулировку психофизиологической проблемы под углом зрения современных практических целей и, в частности, в плане такого актуального вопроса, как расшифровка нейродинамического кода психических явлений — этой фундаментальной задачи, успехи в разрешении которой позволили бы человеческой личности и, по-видимому, человечеству подняться на качественно новый уровень саморегуляции.

§ 6. О необходимости специального исследования понятий физиологического и психического

Рассмотрение современных концепций соотношения физиологического и психического показывает, что основные логические недоразумения обычно проистекают из-за недостаточной определенности понятий физиологического и психического, значение и смысл которых варьируют у различных авторов, а иногда и у одного и того же автора, в весьма широких пределах.

Несмотря на кажущуюся (интуитивно) ясность различий между понятиями психического и физиологического, их содержание (в общей массе работ, где они с необходимостью употребляются) остается весьма расплывчатым. Значения терминов «физиологическое» и «психическое», если можно так выразиться, диффундируют друг в друга, производя в результате довольно аморфное образование, в котором отчетливо различимы лишь края. В тех случаях, когда употребление указанных терминов касается конкретных экспериментальных исследований и обозначения с их помощью достаточно определенных частных явлений, положение еще терпимо (так как эти явления описываются посредством целого ряда других, сравнительно однозначно употребляемых терминов и отнесение их к разряду физиологических или психических существенно не изменяет понимания цели эксперимента и полученных результатов). Однако в тех случаях, когда терминами «психическое» и «физиологическое» оперируют в работах общетеоретического плана, возлагая на них всю полноту логической ответственности, возникает почти неизбежная теоретическая неопределенность.

Это обусловлено, конечно, многими причинами, зависящими не столько от теоретика, сколько от состояния и взаимоотношений в наше время тех больших областей знания, которые именуются физиологией и психологией. Ведь содержание таких весьма широких понятий, как физиологическое и психическое, зависит от специфической определенности предмета физиологии и, соответственно, психологии. Однако четкое разграничение психологии и физиологии по предмету исследования в целом ряде существенных отношений почти невозможно — настолько тесно они переплетаются и сливаются друг с другом в пограничных областях.

Пока теоретики решают вопрос о соотношении психологии и физиологии головного мозга, указанные области знания соотносятся и продолжают с каждым годом усложнять свои взаимоотношения. С одной стороны, в последние десятилетия психология усиленно «физиологизируется», принимая на вооружение все новые и новые физиологические способы исследования и расширяя предмет своих интересов в сторону нейрофизиологической и соматической интерпретации классически психологических фено-

менов. Чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы познакомиться с перечнем симпозиумов XVIII Международного конгресса психологов и представленных на нем докладов (см. А. Р. Лурья, 1966а), сравнив его в этом отношении с предыдущими конгрессами (см. М. Г. Ярошевский, 1966б). Эта «физиологизация» захватывает почти всю территорию современной экспериментальной психологии, за исключением того комплекса ее отраслей, которые занимаются социальными исследованиями и очень близки к классическим общественным наукам.

Но, с другой стороны, за последние десятилетия сама физиология развила и довела до известной степени зрелости те свои отрасли, которые нацелены на исследование типично психических явлений (сюда относятся, например, физиология сенсорных процессов, физиология мотивации и эмоций и т. п., не говоря уже о соответствующих разделах учения И. П. Павлова о высшей нервной деятельности).

Почти полвека тому назад И. П. Павлов, касаясь взаимоотношений физиологии и психологии, писал: «Мы проще, чем психологи, мы строим фундамент нервной деятельности, а они строят высшую надстройку, и так как простое, элементарное понятно без сложного, тогда как сложное без элементарного уяснить невозможно, то, следовательно, наше положение лучше, ибо наше исследование, наш успех несколько не зависит от их исследований. Мне кажется, что для психологов, наоборот, наши исследования должны иметь очень большое значение, так как они должны впоследствии составить основной фундамент психологического знания» (И. П. Павлов, 1951б, стр. 105).

Если это высказывание И. П. Павлова и было безупречным для того времени, то сейчас оно вызывает некоторые сомнения именно в той части, где говорится, что успехи физиологии несколько не зависят от психологических исследований. Действительно, и в наше время положение физиолога лучше, прочнее, чем психолога, и несомненно, что достижения физиологии имеют для психологии фундаментальное значение. Однако обратное влияние психологии на физиологию, особенно на те разделы последней, которые изучают поведенческие акты и отдельные формы психической деятельности, становится, как это ни странно на первый взгляд, все более значительным и пренебрегать им теперь невозможно. Результаты психологических исследований и обобщений задают цели физиологическому анализу и служат для сверки его результатов. Можно указать на целый ряд отраслей и направлений психологических исследований, которые вызвали к жизни и продолжают стимулировать соответствующие физиологические поиски (психология памяти и физиологические и биохимические исследования памяти, теория установки Д. Н. Узнадзе и выросшая из нее физиологическая проблематика, вливающаяся в то чрезвычайно широкое и мощное направ-

ление, которое именуется физиологией активности; успехи этологического изучения поведения животных и его вклад в физиологическое исследование врожденных механизмов поведения и т. д.). Психологическое описание есть всегда отображение функций целостной системы человека как личности; даже если оно держит в фокусе свою работу какого-либо одного органа или группы органов, оно все равно выражает ее в качестве целостной деятельности всей системы. Этот целостный подход, свойственный психологическому описанию, как бы указывает, предопределяет пути синтеза физиологических данных о функционировании отдельных подсистем человеческого организма. И в этом также сказывается существенное влияние психологии на физиологические исследования, которое важно не упускать из виду.

Ко всему сказанному следует добавить, что проникновение в психологию и физиологию кибернетических методов и понятий является важным фактором их дальнейшего сближения, создавая новые линии взаимопереходов и тем самым усложняя отношения между психологическими и физиологическими исследованиями.

Таким образом, та неопределенность, которая имеет место при употреблении понятий физиологического и психического в работах общетеоретического плана, связана с чрезвычайной сложностью взаимоотношений психологии и физиологии. Подчеркивая это, необходимо в то же время отдавать себе полный отчет, что указанные теоретические трудности должны преодолеваются и что всякое теоретизирование о соотношении психического и физиологического, не опирающееся на предварительный анализ понятий физиологического и психического, крайне слабо продвигает нас в разработке психофизиологической проблемы, а нередко попросту загромождает и без того нелегкий путь к истине.

Стремясь обойти указанные трудности, философы, совершающие экскурсии в психофизиологическую проблему и оперирующие постольку понятиями физиологического и психического, пытаются в целях соблюдения последовательности держаться в зоне весьма абстрактных рассуждений. Но крайне абстрактное различие физиологического и психического само по себе не может быть плодотворным для современного естествознания, изучающего деятельность головного мозга. К тому же даже крайне абстрактное оперирование понятиями физиологического и психического зачастую не спасает от логической непоследовательности.

Коснемся в этой связи кратко вопроса о так называемой несводимости психического к физиологическому, который довольно часто обсуждался в последнее время в марксистской литературе. Посмотрим, как обосновывают недопустимость «сведения» психического к физиологическому те философы, которые опре-

деляют психическое в качестве свойства некоторых физиологических процессов в головном мозгу, но в то же время квалифицируют психическое как высшее, а физиологическое как низшее, допуская тем самым очевидную непоследовательность.

«Психический процесс,— пишет Тр. Трифонов,— не существует отдельно от физиологического»; психическое выступает «как сторона, как свойство возникающего возбуждательного процесса» (Тр. Трифонов, 1963, стр. 123). Но здесь же утверждается, что «сводить психическое, высшее, к физиологическому, низшему, значит сводить мысль к обмену веществ в клетке» (там же, стр. 126). И далее в подтверждение этого положения Т. Трифонов ссылается на известное высказывание Ф. Энгельса: «Мы, несомненно, «сведем» когда-нибудь экспериментальным путем мышление к молекулярным и химическим движениям в мозгу; но разве этим исчерпывается сущность мышления?» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 20, стр. 563).

Возникает вопрос, каков действительный смысл приведенного утверждения Т. Трифопова? Если автор хотел сказать, что мысль и обмен веществ в нервной клетке — не одно и то же, то это элементарное разграничение ясно каждому. Если же имелось в виду, что мысль нельзя «свести» к физиологическим изменениям в системах нейронов, то тогда он противоречит Ф. Энгельсу. Ведь Ф. Энгельс совершенно определенно говорит, что мы *несомненно «сведем»* мышление к молекулярным и химическим изменениям в субстрате головного мозга, т. е. даже к более глубокому уровню, чем нейродинамический. Значит, «сведем» все-таки! Многие авторы почему-то не обращают внимания на данную сторону высказывания Ф. Энгельса, будучи всецело поглощены лишь тем, чтобы противопоставить его вульгарноматериалистическим концепциям.

Когда речь идет о «сведении» психического к физиологическому, то это может означать установление между ними *определенного* соответствия и углубление познания психических явлений посредством специально планируемых физиологических исследований. Другими словами, задача заключается в том, чтобы все более конкретно расшифровывать физиологические (нейродинамические) эквиваленты психических явлений и благодаря этому эффективнее управлять ими.

Насущная задача заключается в том, чтобы проанализировать и попытаться четко определить термины «физиологическое» и «психическое» в их общем виде. Это позволит с большей уверенностью и эффективностью обсуждать вопросы, требующие оперирования ими, и явится важной предпосылкой продвижения вперед в разработке психофизиологической проблемы.